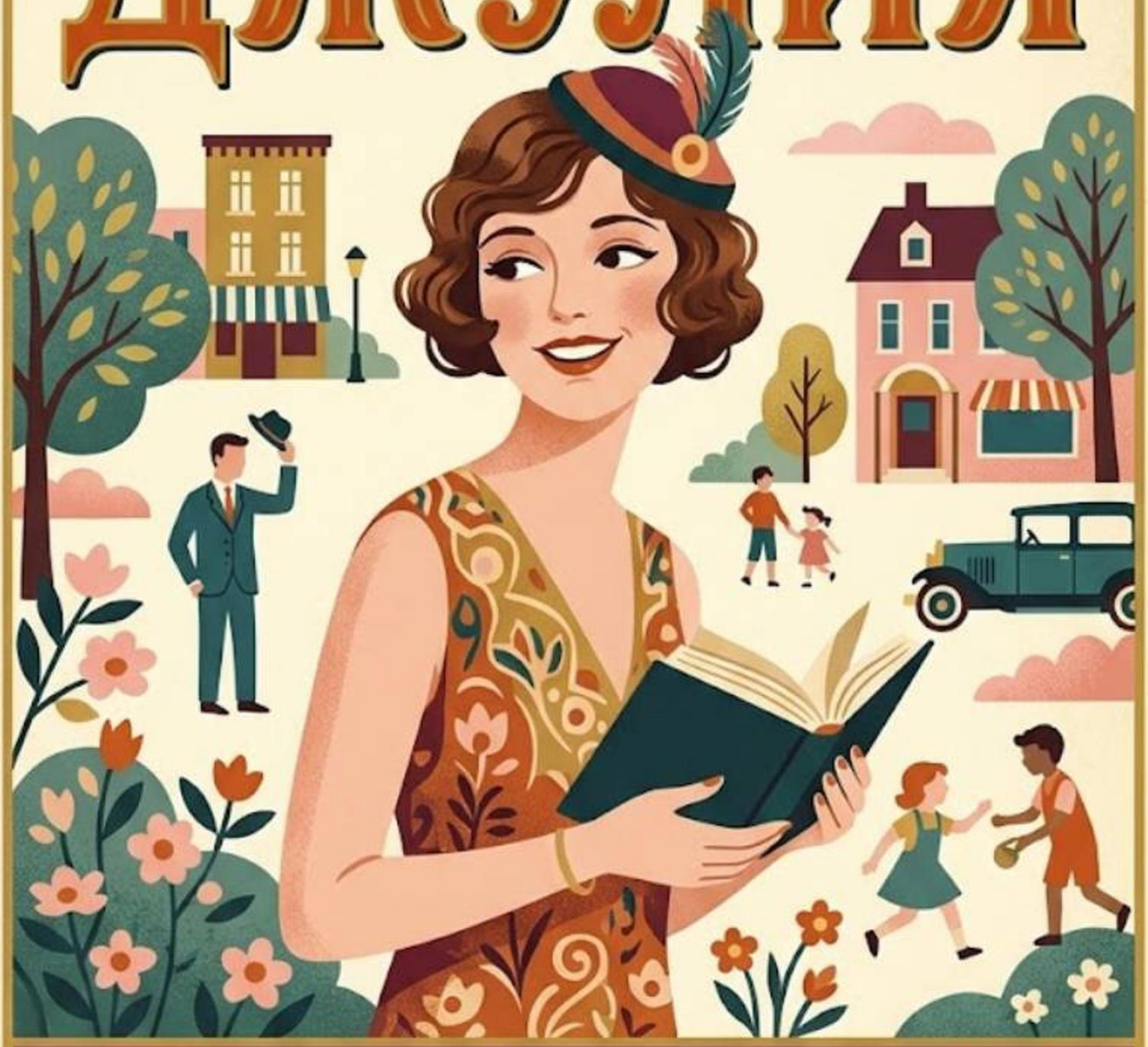
БУТ ТАРКИНГТОН

НЕЖНАЯ ДЖУЛИЯ

ШЕДЕВР АМЕРИКАНСКОГО ЮМОРА
ОТ ДВУКРАТНОГО ЛАУРЕАТА ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

18+

Бут Таркингтон

Нежная Джулия

«Автор»
2026

Таркингтон Б.

Нежная Джулия / Б. Таркингтон — «Автор», 2026

Золотая классика американского юмора от двукратного лауреата Пулитцеровской премии Бута Таркингтона! Добро пожаловать в согретый солнцем провинциальный городок 1920-х годов, где на парадной веранде дома Аттеруотеров разворачиваются подлинные шекспировские страсти. Ослепительная Джулия — идеал мягкости и грации. Её кротость обезоруживает, а абсолютная безупречность держит в осаде всех мужчин города. Кавалеры соревнуются в галантности и вздыхают в июльском зною, пока на сцену не выходит подрастающее поколение. Тринадцатилетняя Флоренс и её кузен Герберт — настоящее стихийное бедствие с железной логикой. Считая взрослых странными существами, а дела тётушки своей прямой обязанностью, Флоренс устраивает грандиозную кампанию по «наведению порядка». В ход идут тайны, шантаж и комичные авантюры, превращающие чинный светский уклад в искромётный хаос. «Нежная Джулия» — тонкая ирония, проницательный психологизм и светлая ностальгия по эпохе, когда любые драмы решались за стаканом лимонада.

© Таркингтон Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава I 22
Глава II 32
Глава III 39
Глава IV 51
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Бут Таркингтон
Нежная Джулия

Предисловие переводчика

Роман Бута Таркингтона «Нежная Джулия» (*Gentle Julia*, 1922) принадлежит к числу тех редких произведений американской литературы первой половины XX века, которые с годами не только не теряют своего очарования, но и открываются читателю с новой, неожиданной стороны. Таркингтон тонко передаёт дух американской жизни на переломе эпох: лошадиные упряжки ещё делят дороги с автомобилями, а на верандах провинциальных домов уже слышатся новые интонации XX века.

Однако «Нежная Джулия» — это гораздо больше, чем просто ностальгическая открытка из «старой доброй Америки». Под лёгкой, искрящейся обвёрткой из романтических недоразумений и комических перипетий скрывается тонкая, почти хирургическая сатира на нравы провинциального общества. В центре этого мирка возвышается Джулия Этуотер — существо воистину ангельское, окружённое плотным кольцом вздыхающих поклонников. Называть её «нежной» или «кроткой» (*gentle*) — значит принимать правила игры, которые сам автор лукаво расшатывает с первой же главы. Джулия не делает ни единого резкого движения, чтобы разрушить мужские сердца; её оружие — абсолютная, обезоруживающая безмятежность, перед которой пасуют и солидные джентльмены, и амбициозные юнцы.

Но истинным двигателем сюжета, разрушающим чопорную взрослую идиллию, становится подрастающее поколение — в первую очередь тринадцатилетняя Флоренс Этуотер и её кузен Герберт. В мире детей Таркингтон видит не сентиментальных ангелочков, а неутомимых анархистов, стихийное бедствие с железной логикой и полным отсутствием пиетета перед авторитетами. Их заговоры, деловые предприятия и катастрофические промахи придают роману ту самую подлинную динамику, благодаря которой книга читается на одном дыхании.

При переводе романа на русский язык главной задачей было сохранить уникальную интонацию Таркингтона — этот суховатый, лишённый сентиментальности авторский юмор, который контрастирует с возвышенными порывами персонажей. Особое внимание уделялось дифференциации речевых пластов: от изысканно-витиеватых, чуть старомодных признаний в любви местных кавалеров до угловатого, полного комического пафоса подросткового сленга Флоренс.

Надеемся, что русскоязычному читателю удастся сполна насладиться этой удивительной книгой — одновременно смешной, мудрой и наполненной тем редким светом, который способен подарить только настоящий классический роман.

Владимир Давыдов

Главные и второстепенные персонажи романа

Главные персонажи

Джулия Этуотер (Julia Atwater) — заглавная героиня романа. Молодая, ослепительно красивая девушка, обладающая редким даром производить сокрушительное впечатление на мужчин. Она кротка, всегда безупречно вежлива и внешне безмятежна, однако её «кротость»

действует на ухажёров разрушительнее любой осады. Джулия не стремится кого-то мучить, но её неспособность (или нежелание) сделать окончательный выбор держит весь город в состоянии романтической лихорадки.

Флоренс Этуотер (Florence Atwater) — тринадцатилетняя племянница Джулии. Истинный «мотор» и главный разрушитель спокойствия в романе. Флоренс обладает бурной фантазией, непоколебимой уверенностью в собственной гениальности и абсолютным презрением к условностям взрослого мира. Она постоянно вмешивается в дела тетушки, организует авантюры и считает себя главным стражем семейной чести.

Герберт Этуотер (Herbert Atwater) — кузен Флоренс, её верный соратник, помощник и соучастник во всех детских заговорах. Чуть более скептичный, чем Флоренс, но столь же неизбежно втягиваемый во все катастрофы, которые они навлекают на головы окружающих.

Второстепенные персонажи (Поклонники Джулии)

Ноубл Дилл (Noble Dill) — вечный кандидат в женихи, чьи попытки объясниться с Джулией каждый раз прерываются самым нелепым образом (чаще всего вмешательством детей).

Другие члены семьи и окружение

Мистер и миссис Этуотер — родители Флоренс, безуспешно пытающиеся совладать с неугомонной дочерью и сохранить подобие порядка в доме, осажденном влюбленными кавалерами.

Китти Сильвер (Kitty Silver) — верная кухарка и служанка в доме Этуотеров. Обладает колоритным языком, простодушной мудростью и неизменно становится невольной свидетельницей (а иногда и участницей) детских шалостей Флоренс.

География романа

Действие романа Бута Таркингтона разворачивается в типичной американской провинции начала 1920-х годов. Хотя писатель часто не называет точных географических координат, в его произведениях легко узнаётся родной для него Средний Запад США — край тихих

зелёных городков, просторных веранд и сонных улочек, где жизнь течёт неспешно, пока её не взрывают визиты поклонников или проделки детей.

1. Вымышленный городок и его микромир

Провинциальный город (Midwestern Town): События книги происходят в небольшом американском городке (читатели и литературоведы часто видят в нём отражение реального Индианаполиса времён детства и юности самого Таркингтона). Это закрытое социальное пространство, где все друг друга знают, репутация имеет первостепенное значение, а любые романтические ухаживания или семейные скандалы мгновенно становятся достоянием общественности.

Дом Этуотеров (The Atwater House): Главный географический и «стратегический» центр романа. Вокруг этого дома и внутри него разворачивается основное действие.

Парадная веранда (Front porch): Сакральное место действия для американской провинции того времени. Именно здесь проходят вечерние «смотры» женихов, здесь Джулия принимает кавалеров, а Флоренс и Герберт организуют свои засады и подслушивают разговоры.

Детская и сад: Внутренние помещения и прилегающая территория, которые служат штаб-квартирой для Флоренс и её кузена, откуда они планируют свои «военные операции» против взрослых.

2. Пространство взросления и улицы города

Улицы и тротуары: Пространство, по которому дети перемещаются на роликах, велосипедах или пешком. Улицы провинциального городка в романе — это одновременно зона абсолютной детской свободы и поле битвы, где сталкиваются миры взрослых приличий и детской непосредственности.

Перекрёстки и аллеи: Места случайных (или тщательно подстроенных Флоренс) встреч персонажей, где кавалеры Джулии терпят очередные фиаско под ехидными взглядами подрастающего поколения.

3. Культурно-исторический фон эпохи

С точки зрения эпохи, география романа отражает **переходный этап американской истории**:

Мир лошадиных упряжек и экипажей ещё сосуществует с первыми автомобилями, которые становятся источником шума, пыли и постоянной головной болью для старшего поколения.

Это замкнутый, камерный микромир американской глубинки, который вот-вот навсегда изменится под влиянием наступающего XX века, Первой мировой войны (оставившей отзвук в эпохе) и стремительной урбанизации.

Атмосфера романа «Нежная Джулия»

Атмосфера «Нежной Джулии» — это слепок короткой, полузабытой эпохи между Первой мировой войной и «ревущими двадцатыми». Таркингтон создаёт удивительный мир, в котором ностальгическая теплота провинциального уюта непрерывно сталкивается с искромётным, слегка абсурдным юмором.

1. Золотой век провинциального лета

Вся книга пронизана ощущением бесконечного, жаркого американского лета. Это время, когда дни тянутся неспешно, а главными событиями городка становятся прогулки, чаепития и вечерние посиделки.

Запах стриженых газонов и пыльных мостовых: Пространство романа наполнено шуршанием платьев, стуком экипажей, стрекотом цикад и лёгким гулом разговоров.

Культура «фронт-порча» (front porch): Вечерняя веранда дома Этуотеров — это настоящий театр под открытым небом. Здесь царит полумрак, горят редкие уличные фонари, отовсюду доносятся вздохи влюблённых кавалеров и шелест вееров.

2. Теплый ироничный комизм

Атмосфера романа далека от приторной сентиментальности: её главный стабилизатор — авторская ирония.

Эффект «бури в стакане воды»: Катастрофы в мире Таркингтона имеют масштаб одного двора или улицы. Ссора из-за сломанной игрушки, порванный костюм поклонника или проваленное свидание переживаются героями с шекспировской страстью, что вызывает у читателя неизменную улыбку.

Столкновение миров: Серьёзный, исполненный чинных условностей мир взрослых постоянно «взламывается» хаотичной энергией детей. Этот контраст между чванливым благоразумием и детским беспределом задаёт книге живой, динамичный ритм.

3. Эпоха на переломе (1920-е годы)

В воздухе книги ощущается тонкий дух времени — момента, когда патриархальная Америка XIX века окончательно уступает место новому веку.

На смену неспешным пролеткам приходят шумные, чихающие пылью «Форды».

Молодёжь пробует новые манеры, но старшее поколение всё ещё пытается удержать строгие правила викторианского этикета.

Это атмосфера невинности перед лицом больших перемен — мир, где самые страшные проблемы решаются семейным обедом или искренним извинением.

4. Детская поэзия и анархия

Особую магию роману придаёт то, как Таркингтон передаёт психологию подростков. Атмосфера детской части книги наполнена:

Важностью нелепых секретов и «деловых предприятий»;

Непререкаемой логикой Флоренс, для которой не существует запретов, если речь идёт о «справедливости»;

Ощущением того самого детства, когда каждый переулок кажется неизведанной территорией, а взрослые — странными, суетливыми существами.

Проработка характеров в романе

Бут Таркингтон — признанный мастер психологического портрета, обладающий редким даром передавать внутреннее устройство своих героев через их внешние проявления, речь и бытовое поведение. В «Нежной Джулии» проработка характеров строится на принципе контрастного параллелизма: идеализированный, полный светских условностей мир взрослых постоянно преломляется через гротескное и прагматичное восприятие детей.

1. Архитектура характеров: ключевые фигуры
Джулия Этуотер — «Магнетический идеал»

Метод раскрытия: Джулия проработана не столько через активные действия, сколько через реакции окружающих на неё. Она выступает своего рода «гравитационным центром» романа.

Психологический рисунок: В её характере сочетаются абсолютное внешнее добродушие, мягкость и полнейшая эмоциональная недосягаемость. Её «нежность» — это не слабая уступчивость, а щит. Таркингтон тонко показывает, что Джулия искренне не желает никому зла, но именно её гипертрофированная вежливость и боязнь ранить ухажёров прямым отказом порождают вокруг неё постоянный хаос.

Флоренс Этуотер — «Стихийный прагматик»

Метод раскрытия: Прямая характеристика через поступки, монологи и внутренний диалог, напрочь лишенный взрослого ханжества.

Психологический рисунок: Флоренс — один из самых ярких подростковых характеров в американской литературе 1920-х годов. Её психология передана с поразительной точностью:

Самооправдание: Всякое своё вмешательство в чужую жизнь Флоренс искренне трактует как борьбу за высшую справедливость или защиту семейной чести.

Актерство: Она постоянно проживает выдуманные роли, мгновенно переключаясь от трагической мученицы к властному организатору.

Отсутствие рефлексии: Флоренс никогда не испытывает чувства вины; любой провал её авантюры списывается на «тупость» окружающих (в первую очередь Герберта).

Галерея поклонников — «Типажи романтической лихорадки»

Поклонники Джулии проработаны как выразительные социальные и психологические типажи:

Ноубл Дилл (Noble Dill): Образ неуклюжего, трагикомического влюбленного. Его характер раскрывается через предельную фиксацию на объекте страсти и готовность терпеть любые унижения (включая шантаж со стороны Флоренс), лишь бы оказаться рядом с Джулией.

Ньютон Ланкастер и Герберт Джордж Пек: Позеры, чья «влюбленность» во многом подпитывается уязвленным самолюбием и духом соперничества. Таркингтон высмеивает их попытки выглядеть зрелыми и неотразимыми джентльменами.

2. Приёмы и техники психологической детализации

Речевая дифференциация: Каждому персонажу сопоставлен строго индивидуальный языковой ритм. Речь взрослых кавалеров перенасыщена высокопарными штампами того времени, тогда как язык Флоренс и Герберта — это смесь подслушанных «взрослых» фраз, фантазий и экспрессивных детских искажений.

Деталь и предметный мир: Характеры раскрываются через их отношение к бытовым мелочам. То, как Ноубл Дилл заботится о своем гардеробе перед визитом к Джулии, или то, как

Флоренс использует найденные предметы для своих «коммерческих предприятий», говорит о персонажах больше, чем прямые описания автора.

Поведенческий контраст: Автор сталкивает романтические порывы (взрослых) с физиологическими и материальными потребностями (детей). Пока кавалеры вздыхают на веранде, Флоренс и Герберт озабочены тем, где добыть сэндвичи или как выторговать пару центов.

3. Динамика и статика персонажей

Характеры в «Нежной Джулии» преимущественно **статичны**, что типично для бытовой комедии нравов:

Герои не проходят через глубокие внутренние трансформации — вместо этого они попадают в новые комические обстоятельства, которые выявляют все те же базовые черты их натуры.

Сила проработки романа заключается не в эволюции персонажей, а в **точности филигранной отделки** их привычек, манер, ужимок и мотивов, делающих их живыми и узнаваемыми вне зависимости от смены эпох.

Язык персонажей и природы в романе

В романе Бута Таркингтона «Нежная Джулия» язык персонажей и язык описания природы тесно связаны между собой. Природа в книге не является безмолвной декорацией — она резонирует с эмоциональным состоянием героев, подчёркивает иронию автора и задаёт ритм провинциальной жизни.

1. Язык персонажей: полифония провинциального мира

Как отмечалось ранее, герои Таркингтон говорят на совершенно разных «языках», каждый из которых отражает их социальный статус, возраст и степень искренности.

ЯЗЫК ПЕРСОНАЖЕ
И ПРИРОДЫ
БУТ ТАРКИНГТОН:
«НЕЖНАЯ ДЖУЛИЯ»
ЯЗЫК ПЕРСОНАЖЕЙ
ТАЙНЫ! ШАНТАЖ!
КОНФЕТЫ
ТАЙНЫ, ИЗУХОИТОВ ЯКОИЫ, СОХИ ХОЛВЕНЦЯ, НЕЯ ЯОИЖИЕНЫЙ.
КЭРБИН, ПОСКИМАVEK ТНО, STYLITCS!
ПРЯМОЙ ЯЗЫК ДЕЙСТВИЯ
ЯЗЫК ЧУВСТВ И КЛИШЕ
ФЛОРЕНС И ГЕРБЕРТ
FLORENCE & HERBERT
ДЕТСКИЙ МИР
ДУШНОЕ ШАНТАЖ СПОКОЙСТВИ
ПОРТРЕТ ГЕРОИНИ
ШАНТАЖ КОНФЕТАМИ
НЕЖНАЯ ДЖУЛИЯ
ТИХИЙ ЗВОЙ ЦИКАД
ЗНОДИАНА
ДУШНОЕ СПОКОЙСТВИЕ
ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ ЮМОР

Язык взрослых: Условность и пиетет

Речь кавалеров Джулии (Ньютона, Герберта Джорджа Пека, Благородного Артура) — это язык светского этикета и романтического клише начала XX века. Он полон вежливых оборотов, недосказанностей и напускной галантности. Однако авторская ирония заключается в том, что этот «возвышенный» язык часто звучит комично и напыщенно на фоне суровой прозы жизни, когда в разговор вмешиваются дети или когда ухажёры попадают в нелепые ситуации.

Язык детей: Прагматичная стихия

Флоренс и Герберт говорят на языке действия, ультиматумов и заимствованных у взрослых штампов, которые они трактуют по-своему. В их речи нет сентиментальности — только чистая прагматика, коммерческий расчёт (все эти бесконечные сделки с конфетами и бойкоты) и детская категоричность.

Язык Джулии: Искусство паузы

Сама Джулия говорит мало, но её реплики всегда безупречно выверены. Её «язык» — это скорее язык правильных манер, мягких интонаций и магической вежливости, которая обезоруживает мужчин эффективнее любых аргументов.

2. Язык природы: Знойное лето как соучастник действия

Природа в «Нежной Джулии» имеет вполне конкретное измерение — это **жаркое, истомленное американское лето на Среднем Западе**.

Лето как атмосфера и барьер:

Природа у Таркингтона материальна и осязаема. Это раскалённый воздух провинциального городка, шуршание листвы в садах, стрекот цикад и пыль дорог, которую поднимают редкие автомобили. Жара делает движение ленивым, заставляя кавалеров искать спасения на верандах, что напрямую влияет на сюжет: все герои буквально заперты в пространстве одного двора и одной улицы.

Природа как отражение внутреннего хаоса:

Парадоксальным образом спокойная, застывшая природа провинции контрастирует с бурной суетой, которую поднимают Флоренс и многочисленные поклонники. Этот контраст усиливает комический эффект: пока природа погружена в дремоту, в доме Этуотеров разворачиваются шекспировские страсти из-за потерянного письма или детской каверзы.

Веранда как граница между мирами:

Взаимодействие человека и природы в романе сведено к сакральному пространству **фронт-порча** (парадного крыльца/веранды). Веранда — это граница между диким, открытым миром улицы (где правят дети, мальчишеские банды и пыль) и уютным, закрытым внутренним миром дома. Вечерняя прохлада, сменяющая дневной зной, приносит с собой сумерки, шуршание летних платьев и романтические вздохи, создавая ту самую неповторимую ауру полузабытой эпохи.

Детали быта в романе

Мир вещей и бытовой мир в прозе Бута Таркингтона — это не просто исторические декорации, а важнейший элемент раскрытия характеров и создания иронического подтекста. Быт 1920-х годов в провинции американского Среднего Запада передан с точностью коллек-

ционера: через устройство домов, культуру досуга, одежду, еду и бытовую технику эпохи, стоящей на пороге индустриального бума.

1. Пространство дома и «культура на веранде»

Быт американского городка 1920-х годов строго зонирован, и каждая часть дома выполняет свою социальную функцию:

Парадная веранда (*front porch*): Главный центр бытовой и социальной жизни. Это открытая гостиная, выдвинутая в сторону улицы. Детали её убранства — плетеная мебель из лозы, кресла-качалки, гамаки, деревянные перила и вьющийся виноград или глициния, создающие полутень. Веранда служит ареной для светского ритуала «нанесения визитов» (*calling*): кавалеры приходят строго в определенные часы, чтобы посидеть на свежем воздухе, попить прохладительные напитки и послушать, как Джулия играет или просто беседует.

Гостиная (*parlor*): Пространство для официальных визитов в холодное время или в непогоду. Здесь стоят пианино, тяжелые мягкие диваны, столики с кружевными салфетками и семейными альбомами.

Задний двор и кухня: Территория Китти Сильвер и «сфера влияния» детей. Если фасад дома демонстрирует безупречный светский глянец, то задний двор — это место, где стоят бочки с водой, сушится белье, готовятся запасы и где Флоренс с Гербертом устраивают свои штаб-квартиры.

2. Костюм и внешняя аттракция

Одежда в романе — прямой показатель статуса, возраста и психологического состояния персонажей.

Женский гардероб (Джулия): Легкие летние платья из муслина, батиста и шифона пастельных тонов, украшенные оборками и лентами. Важной деталью быта остаются **веера** и **кружевные зонтики от солнца** (*parasols*), которые Джулия использует не только для защиты от зноя, но и как инструмент невербального флирта.

Мужской гардероб (Ухажёры): Жесткие крахмальные воротнички, соломенные шляпы-канотье (*boater hats*), светлые фланелевые брюки и твидовые пиджаки. Таркингтон с юмором описывает, каких мучений стоит кавалерам сохранять безупречный, отглаженный вид в тридцатиградусную жару, лишь бы произвести впечатление на Джулию.

Одежда детей (Флоренс и Герберт): Контрастирует со взрослым гардеробом. Короткие штанишки Герберта, матросские блузы, запятнанные травой и ягодами, протертые туфли или босые ноги во дворе. Одежда детей постоянно подвергается разрушению в ходе их «деловых предприятий».

3. Гастрономический быт и угощения

Еда в «Нежной Джулии» выполняет роль социального клея и предмета торга:

Летние напитки: Домашний лимонад, свежевыжатый оранжевый сок, кувшины со льдом и сладким чаем — обязательное угощение для гостей, восседающих на веранде.

Десерты и сладости: Домашние пироги, мороженое из ручной мороженицы (сборка и вращение которой со льдом и солью — отдельный ритуал), а также покупные помадные конфеты (*fudge*) и шоколадные батончики. Конфеты в мире детей служат твердой валютой: Флоренс и Герберт постоянно используют сладости как подкуп, награду или предмет шантажа.

4. Приметы технического прогресса и эпохи на переломе

В быте романа отчетливо виден стык двух веков:

Средства передвижения: Эпоха конных экипажей и легких открытых багги еще не ушла, но её вытесняют первые серийные автомобили (в первую очередь «Форд Модель Т»). Автомобиль в романе — это источник шума, гари, пыли на чистых воротничках и постоянных поломок, но одновременно и главный символ престижа для молодых кавалеров.

Бытовые мелочи: Роликовые коньки (на которых рассекают дети), керосиновые и первые электрические лампы, механические граммофоны с раструбом, воспроизводящие первые пластинки с популярными вальсами и регтаймами на вечерних посиделках.

Эти мелкие, филигранно выписанные детали превращают роман из абстрактной комедии нравов в живую историко-бытовую панораму американской жизни начала XX века.

Глава I

Высокомерие — привычка небезопасная. Человек, который постоянно придаёт своему лицу презрительное выражение, рискует однажды обнаружить, что нижняя губа у него навсегда выдвинулась вперёд и уже не желает возвращаться на место. Тогда ему придётся до конца своих дней выглядеть точь-в-точь как испанский король.

Именно такую судьбу однажды предсказали Флоренс Этуотер, если она не изменит своего отношения к окружающим. Её лицо ещё не успело окончательно сформироваться, а потому опасность представлялась вполне реальной.

Однако Флоренс мечтательно заметила, что испанский король — ужасно красивый мужчина.

— Но только не для девочки! — возразила мать.

Разумеется, миссис Этуотер хотела сказать, что девочка, похожая на испанского короля, вряд ли будет красавицей. Но дочь предпочла истолковать её слова по-своему.

— Ах, мама, да ведь он мой идеал! Я бы завтра же вышла за него замуж!

Миссис Этуотер перестала штопать. Чулок безжизненно соскользнул с её пальцев в корзинку для рукоделия, стоявшую на коленях.

— В твои-то неполные тринадцать лет? — спросила она. — По-моему, ты ещё немного молода для того, чтобы выходить замуж за человека, у которого уже есть жена и несколько детей. И где ты только подхватила это выражение — «завтра же вышла бы за него замуж»?

— О, я его повсюду слышу! — беззаботно ответила юная барышня. — Все так говорят. Я слышала, как тётя Джулия это сказала. И Китти Сильвер тоже.

— Про испанского короля? — поинтересовалась миссис Этуотер.

— Не знаю, про кого они говорили, но именно так и сказали. Я вовсе не хочу сказать, что они произнесли это вместе. Просто одна сказала так в один раз, а другая — в другой. Кажется, Китти Сильвер говорила о каком-то цветном мужчине. Она, наверное, и не захотела бы выйти замуж за белого. По крайней мере, я так думаю. Она ведь уже была замужем за двумя цветными мужчинами. Причём за одного из них выходила дважды, а второй умер между этими двумя свадьбами. Во всяком случае, она сама мне так рассказывала. Когда она впервые вышла замуж, она весила больше двухсот фунтов, а когда в последний раз снова вышла за первого мужа — уже больше двухсот семидесяти. Но сколько она весила, когда была замужем за тем, который оказался между ними, она не знает. Говорит, что за всё время этого замужества ни разу не взвешивалась. Китти Сильвер тебе об этом рассказывала, мама?

— Да, и не один раз! — ответила миссис Этуотер. — Не нахожу эту историю особенно занимательной. К тому же мы говорили совсем о другом. Я пыталась объяснить тебе...

— Я знаю, — перебила её Флоренс. — Ты сказала, что если я не перестану задирать нос перед людьми, которых считаю ниже всякого презрения, то моё лицо так изменится, что нижняя губа уже никогда не вернётся на место. Наверное, лучше всего просто испытывать к ним презрение, но не показывать этого лицом. Тогда никакой опасности не будет.

— Нет, — возразила миссис Этуотер. — Я имела в виду совсем другое. Нельзя допускать, чтобы твои чувства тоже задирали нос или выпячивали нижнюю губу. Ведь чувства могут искривиться ничуть не меньше, чем...

Но слова матери уже увели мысли дочери далеко в сторону от той дороги, по которой миссис Этуотер тщетно пыталась направить разговор.

— Мама, — спросила Флоренс, — а ты веришь, что если человек проглотит яблочное семечко, или лимонное, или арбузное, например, то у него внутри вырастет дерево? Генри Рутер вчера сказал, что так и будет.

Миссис Этуотер слегка встревожилась.

— Ты что, проглотила какое-нибудь семечко?

— Всего несколько виноградных косточек, мама. И не думай, что мне теперь нужно принимать какое-нибудь лекарство, потому что за свою жизнь я, наверное, проглотила их миллион!

— За свою жизнь? — повторила мать с некоторым недоумением.

— Да. И ты тоже, и папа! Я ведь видела, как вы едите виноград. Генри сказал, что с виноградными косточками, может быть, ничего и не случится. Я рассказала ему всё то, что сейчас рассказываю тебе: что за свою жизнь, наверное, проглотила миллион косточек. А он сказал, что виноградные косточки слишком маленькие, чтобы как следует укорениться. Зато если проглотить яблочное семечко, то дерево непременно начнёт расти, и через год или два, может быть, разрастётся так, что я даже рот закрыть не смогу из-за веток.

— Какая чепуха!

— Генри сказал, что ему это рассказал другой мальчик. И ещё сказал, что можно спросить кого угодно и всякий подтвердит, что это правда. У того мальчика, который ему рассказал, дядя умер от этого, когда ему было одиннадцать лет. А ещё тот мальчик знает одну взрослую женщину, которая прямо сейчас очень сильно из-за этого болеет. Не думаю, чтобы Генри нарочно сочинил такую ужасную неправду, мама. Наверное, это тот другой мальчик всё выдумал, потому что я ни на минуту не поверила! Генри Рутер говорит, что за всю свою жизнь ещё ни разу не солгал и теперь не собирается начинать.

Она ненадолго умолкла, а затем добавила:

— Я ни одному его слову не верю!

Флоренс продолжала размышлять о Генри Рутере с явным неодобрением.

— Противный мальчишка! — мрачно пробормотала она, поскольку на самом деле пережила несколько тревожных минут из-за проглоченных виноградных косточек. — Вот уж противный мальчишка!

Последние слова она повторила почти неслышно.

— Флоренс, — сказала миссис Этуотер, — не хочешь ли ты сходить к дедушке и спросить у тёти Джулии, нет ли у неё очень большой штопальной иглы? И не забудь, пожалуйста, что нельзя смотреть на встречных людей свысока. Даже дедушка обратил внимание на твоё выражение лица. Именно он и заговорил со мной об этом. Не забудь!

— Хорошо, мама.

Флоренс вышла из дома в довольно мрачном настроении, но послеобеденное солнце быстро развеяло её уныние. Открыв калитку в штакетнике, она ступила на улицу и почти сразу вернулась к своей излюбленной манере держаться на людях, хотя в эту минуту никаких людей поблизости не наблюдалось.

Нижняя губа мисс Этуотер снова заняла то положение, которому мать предсказывала неизменную испанскую царственность. Брови и нос заметно приподнялись. Веки, напротив, слегка опустились, а в уголках рта обозначились складочки, словно от скрытой насмешки. Таким образом, хорошо одетая девочка шествовала по тенистому тротуару с выражением не просто аристократического презрения, но ещё и таинственного издевательства над окружающим миром.

Одного такого выражения было бы достаточно, чтобы любой прохожий немедленно осознал своё место в жизни. Поэтому особенно досадно, что длинная улица впереди казалась совершенно безлюдной.

Никто даже не выглядывал из окон уютных домов, стоявших в глубине ухоженных лужаек, к которым от тротуара вели аккуратные дорожки. Разумеется, это была лучшая жилая улица города, поскольку именно здесь обитали все Этуотеры и прочие родственники Флоренс.

К счастью, не успела девочка пройти и сотни ярдов, как из-за угла появился пожилой джентльмен. Он повернул в её сторону, и стало совершенно очевидно, что им предстоит встретиться.

Это был незнакомец — во всяком случае, Флоренс его не знала. Он был хорошо одет, а возраст его — вероятно, лет сорок, или шестьдесят, или что-нибудь в этом роде — позволял надеяться, что у него хватит ума заинтересоваться другими интересными людьми.

На лице Флоренс Этуотер произошла поразительная перемена.

Высокомерие и насмешка над миром мгновенно исчезли. Глаза широко раскрылись, и в них появилось выражение одновременно устремлённое куда-то вдаль и напряжённо сосредоточенное. Лоб нахмурился от усилия мысли, а губы начали быстро и беззвучно двигаться, словно девочка повторяла про себя нечто исполненное трагического значения.

Дело в том, что недавно Флоренс прочитала в газете рассказ о первых трудностях одной актрисы, впоследствии добившейся большого успеха. В юности эта решительная особа ходила по улицам и постоянно повторяла реплики из разных ролей. Иными словами, репетировала прямо на людных тротуарах, настолько была увлечена будущей профессией и настолько твёрдо намеревалась прославиться.

Именно этим теперь занималась Флоренс.

Правда, она не репетировала никакой определённой роли, а слова, которые беззвучно складывались на её губах, не отличались ни последовательностью, ни особенным смыслом.

Вот что она произносила:

— О, эта тьма... Никогда, никогда, никогда!.. Ты не мог... Он не захотел бы... Ах, мама!.. Там, где река так медленно течёт... Ах, нет!

Тем не менее Флоренс делала всё возможное ради пожилого незнакомца.

Когда они приблизились друг к другу, встретились и разошлись, у неё сложилось совершенно определённое впечатление, что он действительно принял её за начинающую актрису, которой однажды суждено стать знаменитой.

И тогда, много лет спустя, он, возможно, увидит её в вечер великого триумфа и узнает в прославленной артистке ту самую девочку, которую когда-то встретил на улице!

Но теперь этот эпизод закончился. Шаги человека, ради которого разыгрывалось представление, уже стихли позади, и Флоренс начала забывать о нём.

Что было вполне разумно, поскольку незнакомец навсегда исчез из её жизни и больше они никогда не встречались.

Начинающая актриса исчезла, а прежнее чувство превосходства вернулось.

Оно проявилось с особенной силой, когда из бокового дворика дома на следующем углу вышел мальчик примерно одного с Флоренс возраста.

Мальчик заметил её достаточно рано, чтобы успеть оценить выразительность этого презрения. Было слишком очевидно, что оно предназначалось именно ему.

Несколько мгновений он смотрел на Флоренс, затем придал своему лицу выражение мучительной усталости и медленно повернулся, словно собирался вернуться в тот самый боковой дворик, из которого только что вышел.

Вся его пантомима ясно показывала, что и для него вид Флоренс был совершенно невыносим.

И это соответствовало истине.

Ведь он приходился ей не только соседом, но и двоюродным братом. Он был всего на месяц старше Флоренс, хотя значительно выше её — даже слишком высок для своего возраста — и всё ещё носил короткие мальчишеские брюки.

Впрочем, возможно, родители не ошибались, продолжая одевать его таким образом: было совершенно очевидно, что в коротких брюках он выглядел ничуть не хуже, чем выглядел бы в любой другой одежде.

Никакой заметной красоты в его облике не наблюдалось. Оставалось лишь надеяться, что к совершеннолетию его фигура приобретёт несколько большую собранность и прочность, чем теперь.

Казалось, мальчик и сам подозревал, что отдельные части его тела соединены между собой недостаточно надёжно.

Он постоянно что-нибудь на себе подтягивал, поправлял одежду, ёрзал внутри неё, изгибался и выворачивал шею, словно воротничок причинял ему невыносимые страдания.

Даже сейчас, поворачиваясь, чтобы избежать встречи с мисс Этуотер, он проделывал все эти движения.

— И всё же, как заметила однажды самая любящая из его тётушек, иногда Герберт казался почти разумным существом. Порой, увидев его издали, она даже принимала его за молодого человека, а иной раз он произносил что-нибудь таким солидным тоном, что слова его звучали почти по-взрослому.

Правда, любящая тётушка неизменно добавляла, что подобные просветления продолжались недолго. Уже через минуту Герберт возвращался к своему обычному состоянию, и взгляд его вновь устремлялся в пустоту, не выражая ровным счётом ничего.

Короче говоря, он находился в том возрасте, когда человек почти непрерывно меняет своё мнение обо всём на свете. Вернее, когда его собственное сознание непрерывно заставляет его менять поведение.

Именно это произошло сейчас.

Отвернувшись от ненавистного зрелища, известного ему под именем кузины Флоренс в её наиболее несносном настроении, Герберт вдруг передумал. Он снова повернулся, вышел на тротуар и зашагал рядом с ней, не поздоровавшись и не задав ни единого вопроса.

Выражение мучительной усталости, свидетельствовавшее о том, насколько невыносима ему кузина, никуда не исчезло. Не исчез и вид герцогини, с презрением взирающей на насекомых, который старательно сохраняла Флоренс.

— Хороша же ты! — произнёс Герберт.

Однако по его тону было совершенно ясно, что он вовсе не собирается делать комплимент.

— Ах, неужели, мистер Герберт Этуотер? — отозвалась Флоренс. — Как же я ужасно рада, что ты так считаешь!

— Я говорю о том, что рассказал Генри Рутер, — пояснил её двоюродный брат. — Генри сказал мне, будто заставил тебя поверить, что у тебя внутри вырастет виноградная лоза, потому что ты съела виноград вместе с косточками. Он говорит, ты решила, что придётся позвать плотника, чтобы он построил маленькую беседку, а ты её проглотишь, и тогда лозе будет по чему виться. Он говорит...

Лицо Флоренс залилось сердитым румянцем.

— Этот маленький Генри Рутер — самый ужасный лгунишка во всём городе! Я за всю жизнь ни единому его слову не поверила! И вообще, какое тебе до этого дело, позволь тебя любезнейшим образом спросить, мистер Герберт Иллингсворт Этуотер, эсквайр!

— Какое мне дело? — повторил Герберт с жалобным сарказмом. — Какое мне дело? В том-то и беда, что это обязательно становится моим делом, потому что ты моя двоюродная сестра! Господи, разве я виноват, что ты мне кузина?

— А я, по-твоему, виновата?

— Это совершенно не относится к делу, — заявил Герберт. — Я хочу знать, долго ли ты собираешься продолжать в том же духе?

— В каком ещё духе?

— Ну как, по-твоему, мне приятно, когда ко мне приходит какой-нибудь Генри Рутер и рассказывает, во что ему удалось заставить поверить мою двоюродную сестру, которой уже больше тринадцати лет и которая вот уже целый месяц как пошла на четырнадцатый год!

— О господи! — воскликнула Флоренс.

Затем она понизила голос, но не убавила негодования.

— Будь так любезен, ответь мне на один вопрос. Кто просил тебя сегодня идти со мной гулять?

Герберт воззвал к небесам.

— Да я бы с тобой гулять не пошёл, даже если бы все полицейские нашего города попытались меня заставить! Я бы не пошёл с тобой гулять, даже если бы они привели миллион лошадей и...

— А я бы с тобой не пошла, — перебила Флоренс, — даже если бы они привели миллион миллионов лошадей, коров, верблюдов и...

— Конечно, не пошла бы! — согласился Герберт. — Во всяком случае, если бы это зависело от меня!

Но к этому времени Флоренс уже вновь обрела своё насмешливое высокомерие.

— Есть кое-что, что вполне могло бы от тебя зависеть, — заметила она.

Неосторожный Герберт немедленно задал именно тот вопрос, которого она добивалась:

— Что именно?

— По-моему, ты вполне мог бы перестать толкать меня каждую секунду, когда я иду по своим делам. Мог бы держаться своей стороны тротуара и не быть таким неуклюжим, чтобы я спотыкалась о тебя почти при каждом шаге!

Герберт временно отступил на свою половину тротуара.

— Кто? — возмущённо потребовал он. — Кто говорит, что я неуклюжий?

— Вся семья, — ответила мисс Этуотер с лёгким, но невыносимо раздражающим смешком. — Ты всё время налетаешь на людей сбоку и лезешь им под ноги, когда они пытаются идти. А потом, когда уже кажется, что они вот-вот через тебя перевалятся...

— Послушай-ка!

— И кроме всего прочего, — невозмутимо продолжала Флоренс, — ты обычно ещё и фыркаешь или делаешь что-то в этом роде, а потом издаёшь все эти странные звуки горлом. Ты делал это в прошлое воскресенье за обедом у дедушки. Каждый раз, когда никто не разговаривал, все прекрасно тебя слышали. Видел бы ты, как дедушка на тебя смотрел! У него был такой вид, словно он вот-вот сойдёт с ума, если ты не перестанешь хрюкать и кудахтать!

На лице Герберта отразилось яростное изумление.

— Ничего подобного я не делаю! — взорвался он. — И на твоём месте я бы вообще помалкивал насчёт прошлого воскресного обеда! Кого, позволь спросить, поймали на заднем крыльце, когда он облизывал ложку от мороженицы? Вот именно! И заодно тебе не мешало бы немного подучить грамматику. В английском языке вообще нет таких слов, как твои «кудахтать» и «хрюкать»!

— Мне совершенно всё равно, в каком они языке, — упрямо возразила Флоренс. — Именно это ты и делаешь: хрюкаешь и кудахчешь!

Воспитание Герберта окончательно отказало.

— Да заткнись ты! — рявкнул он.

— Как мило! Какие прекрасные манеры! Настоящий джентльмен...

— А ты попробуй вести себя как леди!

— «Попробуй»! — повторила Флоренс. — Ну, после этого я уж сама вежливейшим образом попрошу тебя заткнуться, мистер Герберт Этуотер!

Герберт помрачнел.

— Тьфу! — произнёс он.

Некоторое время они шли молча.

Затем Герберт спросил:

— Куда ты идёшь, Флоренс?

Девочка остановилась возле калитки, за которой раскинулась просторная лужайка. Её делила пополам кирпичная дорожка, ведущая к выкрашенной белой краской деревянной веранде большого, добротного старого кирпичного дома.

— Вот сюда, к дедушке, раз уж тебе непременно нужно знать! — ответила Флоренс. — И благодарю за восхитительное общество, о котором я тебя вовсе не просила, если тебе хоть раз в жизни угодно услышать правду!

Герберт задумался.

— Ну, вообще-то мне всё равно нечего делать, насколько я знаю, — сказал он. — Давай зайдём с чёрного хода и посмотрим, нет ли чего-нибудь у Китти Сильвер.

И они вместе прошли в калитку.

Нельзя сказать, что они сделались особенно дружелюбными, но прежняя враждебность исчезла так же внезапно, как и возникла. На лицах обоих не осталось никаких заметных следов недавнего столкновения.

Впрочем, ничего необычного в их ссоре не было. Именно так они обычно встречались и разговаривали.

Они свернули на боковую кирпичную дорожку и обогнули дом с южной стороны.

Здесь находился небольшой яблоневый сад, обещавший в нынешнем году обильный урожай. Сотни маленьких круглых яблок весело поблёскивали среди листвы своими гладкими зелёными щёчками. Ветерок пробегал по саду, и солнечные блики перебегали с одного яблока на другое. Под деревьями дрожали и двигались золотистые кружочки света, похожие на рассыпанные монеты.

На решётчатое ограждение и широкие, немного просевшие ступени старого заднего крыльца ложился причудливый узор из оранжевых солнечных пятен и голубоватых теней.

На этих ступенях, расположившись с полным удобством, сидела немолодая темнокожая женщина необыкновенно внушительных размеров.

В городе не существовало ни малейших сомнений в том, что она была самой крупной женщиной среди всех его темнокожих жительниц.

При этом рост её был вполне обычным, а лицо даже сравнительно небольшим.

Вернее, как однажды объяснила ей Флоренс, лицо у неё было маленькое, зато все остальные части головы — ужасно широкие.

Рядом с женщиной стояла круглая коричневая корзина, выполненная в стиле художественных ремёсел. У корзины была крышка, а на ручке красовался бант из коричневого шёлка.

— Чем ты сегодня занималась, Китти Сильвер? — приветливо спросил Герберт. — Ничего особенного не делала?

Именно ради этого вопроса он и предложил зайти посмотреть, не найдётся ли у Китти чего-нибудь вкусного.

Но миссис Сильвер немедленно лишила его надежды.

— Нет, не делала, — ответила она. — Не делала и не собираюсь.

— Я думал, ты почти всегда по вторникам печёшь печенье, — заметил он.

— А вот в этот вторник не пеку, — сказала Китти Сильвер. — Не пеку и не собираюсь. Можете хоть сейчас отправляться домой. Не пеку и не собираюсь!

Покладистость явно не входила в число добродетелей, которыми миссис Сильвер намеревалась сегодня блистать.

Полные надежды глаза Герберта потускнели, и его взгляд скользнул с головы женщины на стоявшую рядом коричневую корзину.

Однако корзина его не заинтересовала. Шёлковый бант придавал ей такой вид, что Герберт почти сразу исключил её из круга предметов, заслуживающих внимания.

Зато именно бант привлёк внимание Флоренс.

Она с любопытством уставилась на корзину.

— Что у тебя там, Китти Сильвер? — спросила она.

— Где это у меня?

— В корзине.

— Не твоё дело, что у меня в этой корзине, — сердито ответила миссис Сильвер.

Но тут же, вопреки собственным словам, добавила:

— Вот уж хотела бы я, чтобы кто-нибудь спросил меня, что у меня в этой корзине! Я никому не нанималась кошек стирать!

— Кошек! — воскликнула Флоренс. — У тебя там кошки, Китти Сильвер? Давай посмотрим!

Её тонкая нетерпеливая рука уже приподняла крышку.

Внутри обнаружились две кошки, совсем недавно вышедшие из котячьего возраста.

Они принадлежали к породе, с которой Флоренс прежде не была знакома.

Поэтому она не поддалась обычному девичьему порыву немедленно схватить молодую кошку и начать её ласкать.

Вместо этого девочка несколько озадаченно рассматривала животных, а затем спросила:

— Ты уверена, что это настоящие кошки, Китти Сильвер?

— Кошки, так она мне сказала, — ответила женщина. — Ты лучше закрой крышку, а то они убегут. Они ещё не привыкли сидеть в этой корзине. И какие бы они там ни были кошки или не кошки, одно я тебе скажу точно: дикие они!

— А почему у них такая длинная шерсть? — спросила Флоренс. — Я никогда не видела кошек, у которых шерсть была бы длиной в целых два дюйма.

— Мисс Джулия говорит, что это бельгийские кошки.

— Какие?

— Я тебе только повторяю, что она мне сказала. Твоя тётя говорит, что они бельгийские.

— Персидские, — поправил Герберт. — Подумаешь, невидаль! Я много раз видел персидских кошек. Господи, в твоём возрасте пора бы уже знать, как выглядит персидская кошка! Тринадцать лет, четырнадцатый пошёл!

— Ну, я тоже много раз видела персидских кошек, — заявила Флоренс. — Просто я думала, что персидские кошки белые, а эти какие-то серые.

При этих словах Китти Сильвер издала горький смешок.

— Ошибаешься! — заявила она. — Эти кошки белые. Да, мисс!

— Да какие же они белые! Они серые, как...

— Нет, мисс, — перебила миссис Сильвер. — Они совершенно белоснежные. Иначе твоя тётя Джулия совсем с ума сошла. Или она, или я — кто-нибудь из нас двоих. Я говорю: «Мисс Джулия, да ведь это серые кошки». А она говорит: «Белые». «Эти две кошки белые», — говорит. «Их везли в ящике, — говорит, — они три или четыре дня провели в грязном багажном вагоне поезда, вот и закоптились». А я ей говорю: «Нет, мисс Джулия, нет такого поезда на свете, который мог бы так закоптить двух белых кошек, чтобы у них вся шерсть стала серой до самой кожи!» Закрой крышку, говорю тебе!

Флоренс послушалась как раз вовремя: одна из молодых кошек уже собиралась выпрыгнуть из корзины.

Но девочка не защёлкнула крышку.

Вместо этого она опустилась на колени и, оставив между крышкой и краем корзины щёлочку примерно в полдюйма, продолжила разглядывать животных.

— По-моему, вот этот, который с моей стороны, мальчик, — сказала она. — У него глаза зеленее, чем у другого. По этому всегда можно определить. Думаю, этот мальчик, а другой — девочка.

— Не собираюсь я разбираться, кто там мальчик, а кто девочка!

— А что сказала тётя Джулия? — спросила Флоренс.

— Когда это?

— Когда ты сказала ей, что кошки серые, а не белые?

— Она велела мне их вымыть, — ответила Китти Сильвер. — Сказала, что хочет, чтобы они были совершенно чистенькие, прежде чем мистер Саммерс придёт на них посмотреть.

И мрачно добавила:

— А я никому не нанималась кошек стирать!

— Она хочет, чтобы ты их искупала? — уточнила Флоренс.

Но Китти Сильвер не ответила сразу.

Она шумно вздохнула, отчего обширные наружные части её тела пришли в весьма своеобразное движение.

Затем удивительно нежным голосом принялась изображать саму себя во время недавнего разговора с хозяйкой:

— «Мисс Джулия, мэм, — говорю я, — мисс Джулия, мэм, моё дело — еду готовить. Мисс Джулия, мэм, — говорю я ей, — я готовлю для вашего папы и для всей вашей семьи из года в год. И надеюсь, и стараюсь, хотя другие, может, и жалуются, я принимаю всё, что нахожу, и оставляю всё, что нахожу. Но нет, мисс Джулия, мэм, — говорю я, — нет, мисс Джулия, мэм, я никому не нанималась кошек стирать!»

— А что тётя Джулия ответила?

— Она говорит: «Разве я не велела тебе отнести этих кошек вниз и вымыть их?» Вот что говорит. А я никому не нанималась кошек стирать!

Флоренс всё больше заинтересовывалась.

— По-моему, это даже забавно, — заметила она. — Быть прачкой для кошек. Я бы совсем не возражала. Мне бы даже понравилось. Представляешь, Китти Сильвер, если бы ты стала кошачьей прачкой, то, наверное, была бы чуть ли не единственной такой прачкой во всём мире! Интересно, существуют ли где-нибудь вообще прачки для кошек?

— Не знаю, существуют они где-нибудь или нет, — ответила Китти Сильвер. — Но если существуют, то уж наверняка не здесь!

Флоренс задумалась.

— Кто, ты сказала, придёт сегодня вечером смотреть на кошек?

— Мистер Саммерс.

— Она имеет в виду Ньюленда Сандерса, — пояснил Герберт. — Тётя Джулия говорит, что за всё время, сколько к ней сюда приходят гости, Китти Сильвер ещё ни разу не назвала правильно имя хотя бы одного из них!

— Ньюленд Сандерс — это тот, у которого маленькие усики, — сказала Флоренс. — Ты его называешь Саммерсом, Китти Сильвер?

— Мистер Саммерс, как сказала мне твоя тётя Джулия, — упрямо ответила миссис Сильвер. — У него и усов-то таких нет, чтобы на них смотреть. Так, немного чёрненького, и то даже до половины рта с обеих сторон не доходит.

— Ну хорошо, — сказала Флоренс. — А эти персидские кошки — подарок мистера Сандерса?

— Думаю, что да.

Миссис Сильвер снова шумно вздохнула. На лице её появилось выражение глубокого негодования.

— Стоит ей пойти гулять с кем-нибудь из этих ухажёров, как она обязательно остановится и начнёт охать и ахать над какой-нибудь собачонкой, кошкой или ещё бог знает кем. А потом, когда они уже скупят для неё все конфеты во всех кондитерских мира и все цветы во всех оранжереях, просто удивительно, что никто из них ещё не прислал ей в подарок мула! По-моему, они уже успели прислать почти всех животных, какие только существуют!

Она перевела дыхание и продолжала:

— Сначала был тот эрдельтерьер, которого твой дедушка взял да отдал молочнику. Потом появились ещё два щенка. Не знаю, какой они были породы, потому что у обоих хватило ума убежать, когда дедушка как следует показал им, насколько он не любит щенков. Потом были две канарейки, которые и сейчас висят в столовой. А потом...

Тут Китти Сильвер возмущённо повысила голос:

— Разве я тогда не закричала так, что меня, наверное, было слышно до самого центра города? Разве я однажды утром не вошла на кухню и не увидела прямо перед собой старого бородавчатого аллигатора длиной в три фута, который смотрел на меня из кухонной раковины?

— Это мистер Клэрдайс ей подарил, — объяснила Флоренс. — Он ездил во Флориду. Но тёте Джулии аллигатор не особенно понравился, и она совсем не возражала, когда дедушка попросил садовника забрать его. Дедушка терпеть не может животных.

— Он их ненавидит не больше, чем я, — заявила Китти Сильвер. — Только ему не приходится встречать их в своей кухонной раковине! И уж он-то точно не собирается становиться кошачьей прачкой!

— А ты собираешься? — быстро спросила Флоренс.

И тут же добавила:

— Тебе вовсе не обязательно это делать, Китти Сильвер. Я бы с удовольствием их вымыла. И Герберт тоже. Правда, Герберт?

Герберт некоторое время обдумывал предложение, затем лицо его просветлело.

— Я бы не возражал, — сказал он. — Мне даже интересно посмотреть, как ведёт себя кошка, когда её купают.

— А мыть персидских кошек, по-моему, особенно интересно, — добавила Флоренс, всё больше воодушевляясь. — Я ещё ни разу в жизни не мыла кошку.

— Я тоже, — признался Герберт. — Я всегда думал, что они сами себя моют.

Китти Сильвер фыркнула.

— Разве я не сказала то же самое твоей тёте Джулии? А она мне: «Нет, — говорит, — персидские кошки сами себя не моют. Нужно, чтобы кто-нибудь другой их вымыл!»

— Если мы собираемся их купать, — сказала Флоренс, — нам нужно знать, как их зовут. Тогда можно будет велеть им сидеть спокойно и всё такое. С животным трудно что-нибудь сделать, если не знаешь его имени. Тётя Джулия сказала тебе, как зовут этих кошек, Китти Сильвер?

— Сказала. Их зовут Фиф и Мима. Да, мисс! Фиф и Мима! Что это ещё за имена для кошек такие?

— О, прекрасные имена! — заверила её Флоренс.

Повернувшись к Герберту, она пояснила:

— Она имеет в виду Фифи и Мими.

— Фиф и Мима, — повторила Китти Сильвер. — Не нравятся мне эти имена. И эти длинношёрстные кошки тоже не нравятся.

Она немного приподняла крышку корзины и с опаской заглянула внутрь.

— Вот поглядите! — воскликнула она. — Поглядите только, как они на меня смотрят! А ну не смотрите на меня так, Фиф и Мима!

Она захлопнула крышку и защёлкнула её.

— Это вы что, выпрыгнуть хотели да на меня наброситься?

— Знаешь, Китти Сильвер, — сказала Флоренс, — пожалуй, мне лучше сходить к тёте Джулии и спросить, можно ли нам с Гербертом их вымыть. Пожалуй, я всё-таки пойду и спрошу.

Она взбежала по ступенькам и вприпрыжку скрылась в доме через кухню.

Через минуту Флоренс появилась в открытых дверях комнаты на втором этаже.

— Пожалуй, я лучше спрошу у тёти Джулии, можно ли нам с Гербертом вымыть этих кошек, — сказала Флоренс. — Да, пожалуй, лучше всё-таки спросить.

Она взбежала по ступенькам, вприпрыжку пересекла кухню и скрылась в доме.

Через минуту Флоренс появилась в открытых дверях одной из комнат второго этажа.

Глава II

Комната была прелестная. В воздухе витал лёгкий аромат розовой герани, голубой лобелии и коралловых фуксий, которые пышно цвели в ящиках за открытыми окнами, словно стремясь показать миру всё великолепие своих красок. Солнечный свет осторожно проникал внутрь, задерживаясь у занавесок, по которым среди бледно-голубых птиц вились лавандовые цветы. Мягкое, почтительное сияние ложилось на обитую тканью кушетку, где среди воздушных подушек, в лёгком платье нежных оттенков, полулежала самая хорошенькая двадцатилетняя девушка во всём городе, хотя недостатка в красавицах здесь вовсе не было.

Следует признать, что посторонний человек едва ли догадался бы с первого взгляда, что Флоренс приходится ей племянницей. Правда, все родственники признавали, что у Флоренс красивые волосы.

— Уж этого у неё не отнимешь, — говорили обычно в семье.

Сама Флоренс особенного удовольствия от своих волос не испытывала. Они были тёмные, густые и длинные, совсем как у тёти Джулии. Однако Флоренс, даже стоя перед зеркалом, предпочитала представлять себя пепельной блондинкой, к тому же примерно на фут выше своего настоящего роста. Благодаря удивительному упорству это воображаемое изображение настолько прочно укоренилось в её сознании, что отчасти объясняло и ту высокомерную манеру держаться, которую так осуждала мать.

Впрочем, немало мужчин среднего возраста искренне убеждены, будто выглядят точь-в-точь как стройные юноши с рекламных страниц модных журналов. Это заблуждение, как и в случае Флоренс, многое объясняет в их поведении, которое иначе представлялось бы совершенно непостижимым. Тётя Джулия читала изящную маленькую книжечку с вытесненными золотом инициалами на обложке. Судя по обёрточной бумаге с погашенными почтовыми марками, валявшейся возле кушетки, книжечку только что доставили по почте.

Это была книга совершенно особенного рода. Её страницы не были напечатаны: всё содержимое старательно выводилось пером и чернилами. Перед нами был сборник стихотворений, в которых имя некой Джулии упоминалось, вероятно, чаще, чем в любых других стихах со времён поэта Роберта Геррика. Джулия читала с таким увлечением, что даже слегка порозовела. Правда, не все стихи вызывали у неё безоговорочное одобрение. Услышав шаги, она поспешно захлопнула книжечку и спрятала её под одну из подушек, делавших кушетку столь удобной.

Появление племянницы не вызвало у неё особенной радости.

— Что тебе нужно, Флоренс?

— Я хотела спросить, можно ли нам с Гербертом... То есть я хотела спросить: это Ноубл Дилл подарил тебе Фифи и Мими, тётя Джулия?

— Ноубл Дилл? Нет.

— Жаль, — сказала Флоренс. — Если бы это был подарок Ноубла Дилла, эти кошки нравились бы мне гораздо больше.

— Почему? — спросила Джулия. — Почему ты так неравнодушна к мистеру Ноублу Диллу?

— По-моему, он самый интересный на вид из всех мужчин, которые к тебе приходят. Ты совершенно уверена, тётя Джулия, что этих кошек подарил не он?

На очаровательном лице мисс Джулии Этуотер появилось выражение усталости.

— Как бы мне хотелось, Флоренс, чтобы ты поскорее выросла!

— Мне тоже! А зачем, тётя Джулия?

— Чтобы в нашей семье появилась ещё одна девушка подходящего возраста. Я считаю совершенно возмутительным своё положение, — продолжала Джулия с томной горячностью.

— Представь себе: в огромной семье, где столько близких родственников, включая детей, я единственная девушка между тринадцатью и сорока одним годом! И все почему-то считают, будто им совершенно нечем заняться, кроме как выяснять, кто ко мне приходит, кто приходил вчера, кто был позавчера, кто собирается прийти завтра и за кого я собираюсь замуж! Тебе действительно пора вырасти и немного разгрузить меня. Я уже ужасно устала от всего этого. Нет, Фифи и Мими прислал мне не Ноубл Дилл, а мистер Ньюленд Сандерс. И я хочу, чтобы ты держалась от них подальше.

— Почему? — спросила Флоренс.

— Потому что это очень редкие кошки, а ты, Флоренс, если позволишь мне заметить, обычно не отличаешься особенной осторожностью. Кроме того, стоит разрешить тебе к ним приблизиться, как здесь немедленно появится Герберт и начнёт во всё совать нос. А он не способен прикоснуться к чему-нибудь, не испортив этого! У него это просто в природе. Он ничего не может с собой поделать.

Флоренс ненадолго задумалась. Затем спросила:

— А Ньюленд Сандерс прислал кошек уже с именами?

— Нет, — ответила Джулия, с некоторым усилием сохраняя терпеливый тон. — Я сама назвала их, когда они приехали. Мистер Сандерс ещё даже не видел их. Он распорядился доставить их мне. Сегодня вечером он придёт. У тебя есть ещё какие-нибудь вопросы, Флоренс?

— Я вот о чём подумала, — сказала Флоренс. — А что, по-твоему, дедушка скажет об этих кошках?

— Не думаю, что он позволит себе ещё какие-нибудь безобразия, — ответила Джулия.

Её тёмные глаза на мгновение оживились.

— Сегодня за завтраком я объявила ему, что эпоха террора закончилась и что он, как и все остальные, обязан держаться подальше от Фифи и Мими. Это всё, Флоренс?

— Но Китти Сильвер ты разрешаешь к ним подходить. Она говорит, что собирается их мыть.

Джулия слабо улыбнулась.

— Я так и думала, что она начнёт жаловаться! Мне пришлось прямо сказать ей, что, пока я веду хозяйство в доме отца, она либо будет выполнять мои распоряжения, либо пусть ищет себе другое место. Она вела себя возмутительно и даже притворялась, будто считает, что естественный цвет шерсти Фифи и Мими — серый!

Флоренс некоторое время серьёзно размышляла.

— Наверное, — наконец сказала она, — их придётся очень долго сушить.

— Несомненно. Но я предпочла бы, чтобы ты в этом не участвовала. Более того, я предпочла бы, чтобы тебя даже не было рядом, когда их будут мыть.

Лицо племянницы омрачилось.

— Но, тётя Джулия, разве я могу причинить Фифи и Мими какой-нибудь вред, если буду просто на них смотреть?

Джулия рассмеялась.

— В том-то и беда, дорогая, что ты никогда не ограничиваешься тем, что просто смотришь на заинтересовавшую тебя вещь. И, если ты не обидишься, у тебя уже сложилась определённая репутация! Но не огорчайся. Ты можешь найти множество приятных занятий дома, или у Герберта, или у тёти Фанни. А теперь беги и...

— Ну хорошо, — сказала Флоренс, делая движение к двери.

— Можешь выйти через парадную дверь, дорогая, — предложила Джулия с лёгкой, но заметной настойчивостью. — Приходи как-нибудь в другой день, когда Фифи и Мими привыкнут к новому дому. Тогда сможешь смотреть на них сколько угодно.

— Я только хотела...

Но поскольку Флоренс явно не собиралась уходить, её тётя стала строже и даже наполовину приподнялась с кушетки.

— Нет, я говорю совершенно серьёзно! Фифи и Мими — чистокровные персидские кошки королевского происхождения, с великолепной родословной. Я даже не представляю, каких хлопот и расходов стоило мистеру Сандерсу раздобыть их для меня. Они совершенно не похожи на обыкновенных кошек. Это очень редкие, необыкновенные животные. И если с ними что-нибудь случится после всех неприятностей, которые папа устраивал мне из-за других подарков, я немедленно отправлюсь в санаторий! Нет, Флоренс, сегодня держись подальше от кухни. И мне хотелось бы услышать, как за тобой закроется парадная дверь.

— Ну что ж, — сказала Флоренс. — И всё-таки, если эти кошки настолько замечательные, как ты говоришь, мне очень жаль, что их подарил не Ноубл Дилл. Если бы их подарил он, они нравились бы мне гораздо больше. А тебе разве нет?

— Нет.

— Ну хорошо...

И Флоренс удалилась. В двадцать лет человек редко бывает подозрительным, если только не опасается, что кто-нибудь со стороны посягнёт на его достоинство или изящество. Поэтому было бы, пожалуй, дурным признаком для характера Джулии Этуотер, если бы она не приняла приглушённый металлический стук закрывшейся парадной двери за доказательство того, что племянница окончательно отправилась домой. Через мгновение последовало дополнительное подтверждение — более далёкий, но не менее убедительный хлопок калитки.

Теперь можно было совершенно отчётливо представить себе послушную Флоренс, направляющуюся к родительскому дому. Джулия успокоилась. Она снова принялась читать свою книжечку, время от времени лениво опуская изящную руку и на ощупь отыскивая под кушеткой белую коробку с оборками, спрятанную там от посторонних глаз.

Благодаря большому опыту её тонкие пальцы безошибочно выбирали то засахаренную фиалку, превратившуюся в ароматный кристаллик сахара, то кусочек фрукта, просвечивающий сквозь застывший сироп. Изящным движением Джулия отправляла очередное лакомство в рот, где ему предстояло обрести то сладостное растворение, на которое, несомненно, рассчитывал нежный даритель. При этом её тёмные глаза ни на мгновение не отрывались от маленького томика, автор которого с похвальным терпением продолжал борьбу за достойные рифмы к имени «Джулия».

Флоренс совершенно исчезла из мыслей своей прекрасной родственницы. Зато она ненадолго появилась в мыслях миссис Бэлч, соседки с южной стороны. Случайно выглянув из эркерного окна, миссис Бэлч рассеянно заметила, как девочка подошла к парадной калитке, открыла её, на мгновение остановилась, словно что-то обдумывая, а затем с силой захлопнула.

Однако сама Флоренс осталась по эту сторону ограды.

— Странно! — пробормотала миссис Бэлч.

Совершив столь выразительное закрывание калитки, Флоренс медленно повернулась и направилась к задней части дома. По мере удаления она ускоряла шаги и вскоре уже бежала. Наконец листва небольшого яблоневого сада мистера Этуотера скрыла её от соседки. Миссис Бэлч не придала этому особенного значения.

Однако она всё-таки задержалась у окна, услышав мальчишеский голос — наполовину хриплый, наполовину пронзительный, как часто бывает у мальчиков, чей голос только начинает ломаться.

— Что она сказала, Флоренс? Разрешила нам?

В ответ раздалось предостерегающее:

— Тише!

После этого мальчик заговорил значительно тише:

— Послушай, эти кошки ведут себя ужасно странно. По-моему, они немного сумасшедшие или что-то в этом роде. Китти Сильвер уже приготовила нам целую лохань мыльной воды.

Тут миссис Бэлч вспомнила о собственном коте и отправилась угостить его сливками. Она была вдовой, давно отошедшей от общественной жизни, детей у неё не было, а собак она побаивалась. Через некоторое время после смерти мужа одна приятельница подарила ей белого котёнка, которого миссис Бэлч назвала Вайолет.

Можно сказать, что, не имея особенных интересов и отличаясь замкнутым характером, миссис Бэлч жила исключительно ради Вайолета. Столь безграничная преданность, однако, не пошла на пользу здоровью самого Вайолета. В молодости кот отличался достаточной предприимчивостью, чтобы однажды исчезнуть на три дня и три ночи, а вернуться с боевыми ранами, среди которых была потеря одного глаза.

После этого ему уже не позволяли пользоваться такой свободой, чтобы он мог повторить подобную измену. Теперь же, достигнув весьма почтенного для кота среднего возраста, Вайолет был раскормлен до такого состояния, что почти утратил желание двигаться. Обычно, когда к нему обращались с ласковыми словами, он ограничивался медленным презрительным движением хвоста.

Поскольку теперь он, по-видимому, не только не собирался убегать, но и вообще почти разучился бегать, миссис Бэлч снова предоставила ему полную свободу. Она нашла Вайолета спящим на заднем крыльце и поставила рядом блюдце сливок — уже второе после обеда. Затем с нежностью наблюдала, как кот открыл свой единственный глаз, повернул к блюдцу величественную голову, напоминавшую голову Генриха Восьмого, с огромными пушистыми щеками, и приступил к трудному процессу вставания.

Еда была единственным обстоятельством, способным хотя бы слабо пробудить его сознание. Когда Вайолет наконец поднялся, между его телом и полом почти не осталось свободного пространства. Кот принялся за сливки без особенного энтузиазма, время от времени прерываясь и отворачивая голову.

По существу, продолжать трапезу его заставляло лишь неискоренимое пристрастие к чувственным удовольствиям. Наконец он отступил на шаг или два, оставив на блюдце заметные следы сливок. Добрая хозяйка принялась осыпать его ласковыми словами, привлекая внимание к оставшемуся угощению.

Вайолет сделал видимое усилие, вернулся и уничтожил остатки.

— Вот мой маленький дорогой! — сказала она, наклоняясь, чтобы погладить кота. — Всё до капельки скушал, мой сладенький! Какой хороший мальчик!

Она продолжала гладить его. Вайолет наполовину прикрыл глаз, но вовсе не от любви или умиротворения. Одновременно он выразительно шевельнул хвостом, словно хотел сказать:

«Да уберите же наконец от меня руки!»

Затем кот снова открыл глаз и прислушался к звукам, доносившимся из соседнего двора. Высокий забор, кустарник и густая листва скрывали этот двор от его взгляда, но звуки говорили сами за себя. Так могли разговаривать представители его собственного вида, когда им угрожали чудовищные неприятности.

Возможно, их произношение было несколько чужеземным, но смысл сказанного Вайолет понял превосходно. Инстинктивно он ответил им мысленными проклятиями.

— Что такое, мой сладенький? — сочувственно спросила хозяйка. — Да, нехорошие люди пугают бедного Вайолета!

Из-за забора доносились приглушённые, но настойчивые голоса мальчика и девочки. К ним примешивались плеск воды, шум, всплески и те самые низкие кошачьи звуки, которые Вайолет уже распознал. Внезапно раздались глухие взрывы, словно кто-то взрывал фейерверки внутри перин.

Человеческие голоса невольно стали громче, и теперь можно было разобрать отдельные слова.

— Ай!

— Да замолчи ты! Хочешь, чтобы сюда сбежался весь город?.. Ай!

— Сам замолчи!

— О господи!

— Осторожно! Не дай ей...

— Да посмотри же, что она со мной делает! Ты что, не видишь?

— Ради всего святого, держи её и... Ай!

Затем послышался хрипловатый голос, несомненно принадлежавший перепуганной темнокожей женщине, спешившей откуда-то издалека:

— Господи помилуй!

Раздалась торопливая беготня. Девочка заговорила с яростью, хотя всё ещё старалась не повышать голоса:

— Неси подпорку для бельевой верёвки! Неси подпорку! Мы хотя бы сможем столкнуть ту кошку с гаража! О господи, только посмотри, как она носится!

Миссис Бэлч покачала головой.

— Непослушные дети! — сказала она.

Она подняла блюдце и направилась к кухонной двери, которую придержала открытой для Вайолета.

— Хочешь пойти с мамочкой?

Но Вайолет уже утратил даже тот слабый интерес к жизни, который проявлял несколько минут назад. Он снова погрузился в солнечное оцепенение.

— Ну что ж, — снисходительно сказала миссис Бэлч. — Попозже получишь ещё немножко вкусных сливочек.

Прошло два часа. Солнце уже начинало склоняться к закату, когда в другой части города маленькая девочка лет семи или восьми, игравшая во дворе возле калитки, выходившей в переулок, заметила, что какая-то девочка постарше пристально смотрит на неё поверх ограды. Малышка смутилась, перестала играть и крепче прижала к себе любимого котёнка.

— Здравствуй, — серьёзно сказала незнакомка. — Сколько ты хочешь за эту кошку?

Маленькая девочка ничего не ответила. Незнакомка открыла калитку и вошла во двор. Выглядела она усталой и довольно растрёпанной, однако движения её были торопливыми.

Больше всего в её облике бросалась в глаза тревога.

— Я дам тебе за эту кошку четверть доллара, — сказала она. — Мне нужна совершенно белая кошка, но у этой только одно серое пятнышко над глазом. А я уже почти уверена, что во всём городе не осталось ни одной совершенно белой кошки, по крайней мере такой, с которой кто-нибудь согласился бы расстаться. Я дам тебе двадцать пять центов. Сейчас у меня денег нет, но обещаю принести послезавтра.

Маленькая девочка по-прежнему молчала. Она лишь смотрела на незнакомку всё более широко раскрытыми глазами. Та заговорила почти с отчаянием:

— Послушай, мне обязательно нужна беловатая кошка! Твоя больше четверти доллара не стоит, но я дам за неё тридцать пять центов. Наличными. Послезавтра!

При этих словах перепуганная малышка опустила котёнка на землю и убежала в дом. Флоренс Этуотер осталась одна. Вернее, она была единственным человеком во дворе, да и вообще в пределах видимости.

Тем не менее совсем рядом, позади неё, раздался человеческий голос. Он доносился через отверстие от выпавшего сучка в заборе и звучал почти страстно.

— Хватай её!

Флоренс стояла неподвижно. В её молчании было что-то торжественное. Голос продолжал убеждать:

— Господи помилуй! Она ведь не сказала, что не продаст кошку, правда? Ты можешь потом принести ей деньги, как обещала, разве нет? Я же свою достал, и почти без всяких неприятностей! Господи! Да Китти Сильвер, наверное, уже с ума сходит! Только подумай, в какое положение мы её поставили! Говорю тебе, ты должна!

И тут Флоренс наконец пошевелилась. Сначала она двигалась медленно, затем всё решительнее и быстрее. К тому времени, когда вечерние сумерки превратились в густую синюю ночь, двое кузенов, каждый из которых успел наскоро и без особенного аппетита поужинать, встретились по предварительной договорённости в переулке за домом своего общего дедушки.

Перелезши через задний забор, они направились к кухне. Внезапно Флоренс подняла правую руку и большим и указательным пальцами ухватила Герберта за прядь волос на затылке.

— Да ради всего святого! — возмутился он, имея для этого вполне достаточные основания.

— Тише! — предупредила Флоренс. — Китти Сильвер с кем-то разговаривает на кухне. Это может быть тётя Джулия! Иди сюда!

Она отвела его к открытому кухонному окну. Там они уселись прямо на землю, прислонившись спинами к каменному фундаменту дома, и стали слушать голоса и позвякивание посуды, которую кто-то мыл.

— У неё там ещё одна пожилая темнокожая женщина, — прошептала Флоренс. — Из её церкви. Она приходит к Китти почти каждый вечер. Послушай, Китти рассказывает ей обо всём. Держу пари, так мы узнаем настоящую правду гораздо лучше, чем если бы вошли и спросили её прямо. И вообще, это вовсе не подслушивание, когда люди говорят о тебе самом. Подслушивать нехорошо только тогда, когда дело тебя совершенно не каса...

— Ради всего святого, замолчи! — прошипел её двоюродный брат. — Слушай!

— «Нет, мэм, мисс Джулия, мэм», — говорю я ей, — донёсся из кухни голос миссис Сильвер. — «Нет, мэм, мисс Джулия, мэм. Это те самые две кошки, которых вы мне дали, мисс Джулия, мэм», — говорю. «Во всяком случае, — говорю, — это те самые две кошки, которые сидели в той закрытой коричневой корзине, когда я её открыла и принялась готовиться их мыть. Может, кто-нибудь и успел их подменить до того, как они попали ко мне, — говорю я, — мисс Джулия, мэм, но с тех пор, как они оказались у меня, единственная перемена в них — это что с них сошла вся серая грязь, пока я их мыла, а потом сушила кукурузной мукой и фланелью. Я не знаю, насколько мытьё могло их изменить, мисс Джулия, мэм, — говорю я, — потому что насколько они изменились или не изменились, это вам судить, а не мне».

— Господи милостивый! — воскликнула гостья, восторженно посмеиваясь. — Удивляюсь, как ты сумела сохранить серьёзное лицо, мисс Китти! И что сказала мисс Джулия?

Миссис Сильвер разразилась громким, неудержимым хохотом. Когда ей наконец удалось овладеть собой, она продолжила уже более внятно:

— Мисс Джулия говорит, что никогда в жизни не слыхала такой возмутительной истории! Ох, как она разошлась! Аллилуйя! А я всё это время, миссис Джонсон, честное слово, стою перед ней с корзиной в руках и твержу без конца, что это те самые две бельгийские кошки, которых ей прислал мистер Саммерс! И, скажу я вам, миссис Джонсон, одной только возни с этой корзиной хватило бы на целый день. Всякий, кому хоть раз приходилось держать в одной корзине двух незнакомых друг с другом кошек, поймёт, о чём я говорю. И каждую благословенную минуту, пока я там стояла, слышу, как старая миссис Бэлч по соседству ходит то по заднему двору, то по переднему, то прямо по улице и всё кричит: «Кис-кис! Кис-кис! Кис-кис!»

Китти снова засмеялась.

— «Вот как! — говорит мне мисс Джулия. — Хорошенькая история! Эти две кошки, которых ты выдаёшь за моих бельгийских кошек, короткошёрстные! И возраст у них разный, и ростом они совершенно не похожи! Одна из них толще обеих моих бельгийских кошек, вместе взятых, да ещё и одноглазая!»

Миссис Сильвер выдержала паузу, наслаждаясь воспоминанием.

— «Ну, мисс Джулия, мэм, — говорю я, — одно-то уж совершенно верно: кошки получились белые, только у той, что похудее, осталось пятнышко вокруг глаза. Как вы мне и говорили, мэм. Вот в этом вы совершенно правы!»

— Ох, не могу! — простонала миссис Джонсон, изнемогая от восторженного смеха. — И что она тогда ответила?

— Я поставила корзину на пол, — продолжала Китти Сильвер, — и направилась к двери. А она принялась отстёгивать крышку, наверное, чтобы ещё разок взглянуть на кошек. Только окно там было совсем рядом. И эта тощая белая кошка как прыгнет! А немного погодя я выглянула вот в это самое окно и увидела, как старый толстый кот миссис Бэлч переваливается через двор по направлению к своему дому.

— А что мисс Джулия сейчас делает? — спросила миссис Джонсон.

— Кто? Мисс Джулия? Сидит на парадной веранде и разговаривает с мистером Саммерсом.

— Господи помилуй! И как же она теперь объяснит ему всю эту путаницу?

— Кто? Мисс Джулия? Да оставьте вы её в покое, дорогая! Она начнёт так быстро говорить, да так сладко, что ни один молодой человек даже не вспомнит, что когда-то дарил ей каких-то кошек, пока не уйдёт и не окажется на полпути домой!

Китти Сильвер снова рассмеялась.

— Но я ведь ещё не рассказала вам, чем всё кончилось, миссис Джонсон! А конец-то был лучше всего!

— Что же случилось, мисс Китти?

— Слушайте! После того как я вышла, туда зашёл мистер Этуотер и спросил, что это за шум и суматоха. И знаете что? Он потом пришёл ко мне на кухню и незаметно сунул мне прямо в руку два новеньких блестящих серебряных доллара!

— Господи!

— Да, мэм! — торжествующе подтвердила миссис Сильвер.

В темноте под кухонным окном Флоренс глубоко вздохнула.

— Мне было бы просто ужасно от всего этого, — сказала она, — если бы этих персидских кошек тёте Джулии подарил Ноубл Дилл.

— Почему? — спросил Герберт, которого такой взгляд на вещи озадачил. — Не понимаю, почему от того, кто подарил ей кошек, всё стало бы хуже.

— А вот стало бы, — ответила Флоренс. — Но, как бы то ни было, мне кажется, мы поступили довольно плохо. Ты обратил внимание, что Китти Сильвер сказала о дедушке?

— Ну и что?

— По-моему, нам следует рассказать ему, какую роль мы во всём этом сыграли, — задумчиво произнесла Флоренс. — Я не хочу сегодня ложиться спать, когда у меня всё это на совести. Я сейчас же найду дедушку и признаюсь ему во всём до последней мелочи.

Герберт с надеждой решил пойти вместе с ней.

Глава III

Джулию, как и Герберта, несколько озадачило признание Флоренс в особенной симпатии к молодому человеку по имени Ноубл Дилл. Обычно никто не спешил признаваться в слабости к этому джентльмену. Однако тётушка вскоре выбросила странное заявление племянницы из головы: у неё хватало других забот, настойчиво требовавших внимания. В действительности хлопот у Джулии было гораздо больше, чем могли предположить окружающие.

Обязанности девушки, почти официально признанной первой красавицей города, население которого упорно стремилось достичь шестидесяти пяти тысяч человек, нередко оказывались тяжелее, чем принято думать. Бывали минуты, когда Джулия находила своё положение настолько утомительным, что охотно отказалась бы от него.

Она была сердечной, отзывчивой девушкой, от природы неспособной закрывать глаза на подлинные достоинства, где бы они ни обнаруживались. И жалобы её на родственников имели под собой известные основания.

По словам Джулии, вся семья, включая детей, развлекалась обсуждением её личных дел, словно это заменяло родственникам посещение театра.

Но однажды, спустя неделю после безвозвратного исчезновения Фифи и Мими, она зашла настолько далеко, что невольно выдала себя, заявив, что ей порядком надоело, когда её принимают за цирк с тремя аренами!

Именно так она выразилась в минуту отчаяния. А невольное признание заключалось в слове «тремя».

Флоренс немедленно обратила внимание на эту обманчивую скромность. Её ум мгновенно ухватился за слово, вырвав его из общего смысла фразы. Это был процесс совершенно естественный и инстинктивный, поскольку девочка уже начинала становиться женщиной.

— Тремя! — воскликнула она. — Да ты, наверное, с ума сошла, тётя Джулия! Есть же Ньюленд Сандерс, и Ноубл Дилл, и этот старый вдовец Риджли, которого дедушка так ненавидит, и мистер Клэрдайс, и Джордж Плам, и ещё двое новых, приезжих, о которых тётя Фанни Паттерсон говорила, что они были с тобой в церкви в воскресенье утром. Герберт сказал, что один из них ему совсем не понравился с виду, тётя Джулия. А ещё Паркер Кент Ашер и тот смешной господин, у которого под нижней губой маленький клочок бородки. Ноубл Дилл так на него рассердился, когда они приходили к тебе, а дядя Джо потом смеялся. И я даже не знаю, кто ещё! Во всяком случае, их гораздо больше трёх, тётя Джулия!

Джулия посмотрела на разговорчивую гостью без особенного удовольствия.

Флоренс сидела на затенённых ступенях веранды, а Джулия, одетая для прогулки, расположилась выше в плетёном кресле.

«Джулия, одетая для прогулки» — как мало говорят эти слова!

Ведь Джулия оделась для летней прогулки и представляла собой столь восхитительное воплощение прохлады в жаркий день, что описать её было нелегко.

Темноволосая красавица была вся в нежном, словно шелестящем белом. Лишь маленькая шляпка казалась сотканной из тончайшей ткани глубочайшего тёмно-синего оттенка. Пояс и зонтик почти повторяли цвет её глаз.

Вероятно, ни одна ткань, созданная человеческими руками, не могла бы точнее воспроизвести этот оттенок. Правда, однажды Джулия встретила великого путешественника — во всяком случае, в поисках сравнений он забирался достаточно далеко, — который сообщил ей, что русская императрица владела огромным сапфиром совершенно такого же цвета. Но это был единственный сапфир подобного оттенка, когда-либо обнаруженный на земле.

Одно из самых длинных стихотворений Ньюленда Сандерса, посвящённых Джулии, называлось «Чёрные сапфиры».

Все эти гармонии чёрного сапфира были совершенно излишни.

Будь Джулия в действительности столь доброй, какой она слишком часто умела казаться, ей следовало бы закрыть оба глаза повязками — одной было бы недостаточно, — носить туфли на плоской подошве и пользоваться услугами портнихи, достаточно талантливой, чтобы безнадёжно испортить её фигуру.

Но Джулия не обладала величием души, необходимым для подобных жертв. Её следовало бы запереть где-нибудь до шестидесятилетия, а страдания её не заслуживали ни малейшего сочувствия.

И всё же, когда зимой Джулия заболела свинкой, она получила больше сочувствия, чем все девять старушек, лечившихся от брюшного тифа во время эпидемии в приюте для престарелых дам.

Почти месяц Джулия не выходила из комнаты. Всё это время казалось, что фургон цветочного магазина навсегда поселился перед домом, а рядом с ним часто останавливался фургон кондитерской.

Юная Флоренс, переболевшая свинкой в младенчестве и потому не опасавшаяся заразиться, сделалась почти постоянной сиделкой при больной.

В результате племянница тоже заболела — её недуг оказался короче, чем болезнь тётушки, но по мучительности нисколько ей не уступал. Причиной страданий бедного ребёнка была отчаянная борьба против расточительства.

Выздоровление Флоренс проходило дома, причём никто из посторонних даже не поинтересовался её самочувствием. Зато Джулия значительную часть своего выздоровления провела у телефона.

Однажды ей даже прочитали по телефону стихотворение:

Как вновь расцвёл прекрасный свет,

Когда узнал я, что опять

Ты можешь слышать и внимать,

И голос твой звучит в ответ!

Как сладко думать: вновь дано

Тебе услышать голоса,

И твой чудесный голос снова

Звучит, как прежде, для меня!

Автором был Ньюленд Сандерс.

Он только что окончил колледж, был литературным обозревателем, поэтом и однажды, правда совсем ненадолго, атеистом.

Именно Ньюленд присутствовал при небольшом несчастном случае, когда Джулия прищемила ноготь большого пальца, закрывая двустворчатую дверь между гостиной и библиотекой, где её своеобразный старый отец сидел за чтением.

— Видеть, как вы страдаете, — страстно произнёс Ньюленд, пока Джулия заботливо осматривала повреждённый палец, — видеть вашу боль — единственное во всей вселенной, что превосходит мои душевные силы! Знаете ли вы, что, когда вам приходится испытывать страдания, я чувствую, что Бога нет!

Это решительное заявление показалось Герберту одним из самых впечатляющих высказываний, какие ему доводилось слышать, хотя он никак не мог понять, почему подобные слова следовало произносить в присутствии одной из его тётушек.

Герберт только что зашёл в дом дедушки, не утруждая себя звонком, и остановился в прихожей перед открытой дверью гостиной.

Услышав слова Ньюленда, он немного поразмышлял и решил вернуться домой, никого не беспокоя.

Дома он застал мать и отца за карточной игрой в обществе одного дяди, одной тётушки, двух двоюродных дедушек, одной двоюродной бабушки и одного взрослого кузена.

Герберт справедливо предположил, что всем им будет интересно узнать, что он только что услышал.

Высказывание Ньюленда вскоре приобрело широкую известность во всей семье.

Джулия, поначалу усмотревшая в его страстных словах нечто почти священное, переменила мнение, когда услышала, как её старый толстый дядя Джо задумчиво повторяет эту фразу снова и снова.

Сегодня Флоренс сочла уместным напомнить тётушке об этом происшествии, после того как Джулия пожаловалась на цирк с тремя аренами.

— Если ты не хочешь быть таким цирком, — продолжала племянница, рассуждая совершенно логично, — тогда я не понимаю, зачем ты всё время одинаково поощряешь их всех!

— От кого ты это слышала, Флоренс? — потребовала ответа тётушка.

— От тёти Фанни Паттерсон, — рассеянно ответила Флоренс. — Вот, например, тётя Джулия, я не понимаю, зачем тебе ходить гулять с Ньюлендом Сандерсом, когда ты сама говорила, что хотела бы, чтобы он умер или что-нибудь в этом роде, после того как вся семья и вообще все вокруг начали говорить о том, что он сказал про Библию, когда ты ушибла палец. Вся семья...

Джулия глубоко вздохнула.

— Как бы мне хотелось, чтобы «вся семья» хоть ненадолго задумалась о собственных делах! Среди моих родственников совершенно недостаточно эгоизма, чтобы меня это устраивало!

— Но ведь я обращаю хоть какое-нибудь внимание на то, что здесь происходит, только потому, что мы родственники! — возразила Флоренс. — Это ведь дом моего собственного дедушки, разве нет? Так вот, если бы ты здесь не жила и не была дочерью моего собственного дедушки, тётя Джулия, я бы никогда не обращала на тебя ни малейшего внимания! И вообще я не особенно критикую всех этих людей, которые постоянно к тебе приходят. Во всяком случае, не вполовину столько, сколько Герберт. Герберт теперь считает, что ему непременно нужно всё критиковать, потому что у него ломается голос.

— В твоём возрасте, — заметила Джулия, — все мои мысли были заняты школьными учебниками.

— Да что ты, тётя Джулия! — воскликнула Флоренс с искренним изумлением. — Дедушка говорит совершенно обратное. Я много-много раз слышала, как он говорил, что ты всегда была такой, какая сейчас, с тех самых пор, как тебе исполнилось четыре года.

— Какой такой? — спросила тётушка.

— Такой, как сейчас, тётя Джулия. Дедушка говорит, что к тому времени, когда тебе исполнилось четырнадцать, всё стало настолько плохо, что ему пришлось поставить новую парадную калитку, потому что молодые люди всё время на неё опирались. Он говорит, что надеялся обрести хоть немного покоя в собственном доме, когда ты вырастешь, но стало только хуже, и теперь ни одной минуты за весь день он не может...

— Знаю, — перебила Джулия. — Он рассуждает как христианский мученик, а ведёт себя как Нерон. Кстати, Флоренс, я бы посоветовала тебе пока держаться от него подальше. Он

говорит, что вчера либо ты, либо Герберт приходили сюда и воспользовались его очками, чтобы разрезать журнал, и сломали их. На твоём месте я бы некоторое время здесь не появлялась, пока он не успокоится.

— Наверное, это Герберт их сломал, — немедленно сказала Флоренс.

— Папа считает, что это ты. Китти Сильвер ему так сказала.

— Противная старая гадина! — произнесла Флоренс, имея в виду миссис Сильвер.

Затем совершенно безмятежно добавила:

— Ну, дедушка всё равно не возвращается домой до пяти часов, а сейчас только около без четверти двух. Тётя Джулия, чего ты здесь ждёшь?

— Я же сказала: собираюсь на прогулку.

— Я имею в виду: с кем?

Мисс Этуотер позволила себе тихий стон.

— С мистером Сандерсом и мистером Риджли, Флоренс.

Глаза Флоренс расширились от любопытства.

— Да что ты, тётя Джулия! Я думала, эти двое больше друг с другом не разговаривают!

— Они и не разговаривают, — безжизненным голосом подтвердила Джулия. — Просто так получилось, что мистер Сандерс, мистер Риджли и мистер Дилл — все трое — пригласили меня сегодня на прогулку в два часа.

— Но Ноубл Дилл не пойдёт?

— Нет, — сказала Джулия. — К счастью, когда он меня пригласил, я вспомнила, что уже обещала другому. Вот когда меня приглашал мистер Риджли, я почему-то об этом не вспомнила.

— А я бы пошла с Ноублом Диллом, — твёрдо заявила Флоренс. — Ноубл Дилл — мой настоящий идеал! Я бы завтра же вышла за него замуж.

— Мне кажется, — заметила тётушка, — я слышала, как твоя мать недавно рассказывала кому-то, что ты говорила то же самое об испанском короле.

Флоренс рассмеялась.

— О, это было всего лишь мимолётное увлечение, — легкомысленно сказала она. — Тётя Джулия, а чем вообще должен заниматься Ньюленд Сандерс?

— Кажется, он ещё не выбрал себе ни дела, ни профессии.

— Спорю, что он и не сумеет, — объявила племянница.

— А чем, собственно, должен заниматься этот старый Риджли? — спросила Флоренс. — Он просто вдовец?

— Оставь его в покое!

— А Джордж Плам, кажется, должен чем-то заниматься в старом банке дяди Джо, верно? — продолжала Флоренс.

— «Должен»! — возмутилась Джулия. — Что это у тебя за манера говорить обо всех: «должен заниматься», «должен быть»? Где ты подхватила эту ужасную привычку? Ты ведь знаешь, что вся семья обеспокоена твоим высокомерием, Флоренс. До сих пор я думала, что дело только в выражении твоего лица: вероятно, тебе просто удобнее всего держать его именно так. Но если высокомерие начинает проявляться ещё и в твоей речи, пора всерьёз заняться исправлением характера.

— О, никому от этого никакого вреда! — беспечно ответила Флоренс.

В этот момент она заметила вдали приближавшуюся худощавую фигуру молодого мистера Сандерса.

— Смотри! — воскликнула девочка, указывая на него пальцем. — Да он же и в сравнение не идёт с Ноублом Диллом!

— Не показывай на людей пальцем!

— Да на него и показывать-то особенно нечего!

Флоренс опустила руку.

— Для меня вовсе не потеря отказаться от удовольствия показывать пальцем на Ньюленда Сандерса, тётя Джулия. По правде говоря, я не отдала бы даже мизинца Ноубла Дилла за сто пятьдесят Ньюлендов Сандерсов!

Джулия слабо улыбнулась, наблюдая за приближавшимся молодым человеком.

Казалось, он пока ещё не замечал её. В действительности же Ньюленд считал, что лучше сначала дойти до калитки и только там приподнять шляпу.

— Откуда у тебя вдруг такая нежность к мистеру Диллу, Флоренс?

Племянница сосредоточенно задумалась. Затем взгляд её сделался мечтательным.

— Он мне нравится потому, что он такой необыкновенный, — сказала она. — По-моему, он самый необыкновенный человек из всех, кого я когда-либо видела.

— Необыкновенный?

— Да. Герберт сказал, что я uncouth, и я посмотрела это слово в словаре. Там было написано: «редкий, изысканный, элегантный, неизвестный, устар., непривычный, странный» и ещё много всего. Никогда не встречала слова, которое означало бы столько разных вещей. А что значит «устар.», тётя Джулия?

— Тише! — сказала Джулия, поднимаясь.

Мистер Сандерс уже дошёл до калитки и, увидев её, слегка вздрогнул.

Теперь он приближался по кирпичной дорожке к веранде, держа соломенную шляпу в руке.

Его глаза были устремлены на Джулию с такой напряжённостью, что это, казалось, даже мешало ему дышать. Во всём его облике чувствовалась какая-то благоговейная тишина.

Флоренс с восхищением наблюдала, как меняются выражение лица и осанка тётушки. Эти едва заметные перемены неизменно происходили с Джулией при приближении молодого мужчины, мужчины не слишком молодого или даже пожилого джентльмена, если тот был хорошо одет.

Каким-то почти неуловимым образом самая обыкновенная минута сразу превращалась в драматическую сцену.

— Вы! — тихо произнёс Ньюленд.

Джулия сделала движение, одновременно грациозное и лестное для него: не дожидаясь, пока он приблизится, она протянула ему руку во всю длину.

Ньюленд судорожно бросился вперёд и схватил эту руку так, словно намеревался никогда больше её не отпускать.

— Вы видите мою маленькую племянницу? — сказала Джулия. — Кажется, вы знакомы.

— Знакомы? — повторил мистер Сандерс.

Затем он собрался с мыслями и протянул Флоренс несколько пальцев, ещё хранивших холодную дрожь недавнего волнения.

— Флоренс... Ах да, Флоренс.

Флоренс не поднялась со ступенек. Она продолжала сидеть с тем самым выражением лица и видом, которые вызывали столько жалоб со стороны родственников.

— Здравствуйте, — сказала она. — А вот и мистер Риджли.

— Где? — громко спросил Ньюленд.

— Входит в калитку, — ответила Флоренс. — Он тоже идёт с вами гулять.

В этот критический момент Ньюленда охватило явное страдание.

Он повернулся к Джулии.

— Но это же ужасно! — воскликнул он. — Вы ведь сказали мне...

— Тсс! — предупредила она.

И торопливо прошептала на одном дыхании:

— Ничего-нельзя-было-поделать-объясню-при-следующей-встрече!

После этого Джулия грациозно шагнула навстречу новому гостю.

С появлением мистера Риджли высокомерие Флоренс заметно усилилось.

Этот джентльмен вполне годился ей в дедушки, но девочка, по-видимому, желала дать понять, что даже в таком качестве он не вызвал бы у неё особенного восторга.

Мистер Риджли принадлежал к числу вдовцов, которые после утраты супруги чувствуют себя моложе прежнего и ведут себя соответственно.

После своего несчастья он с величайшей готовностью отказался от всех преимуществ, которые возраст и жизненный опыт давали ему перед потомками старых друзей и коллег.

Его жизнерадостность и восприимчивость ко всему очаровательному сделались столь известны в городе, что некоторые ровесники мистера Риджли, казалось, уже почти не находили других тем для разговоров.

А Джулия, как с горечью жаловался её отец, обладала слишком добрым сердцем.

Вдовец приблизился, протягивая ей букет фиалок с одной розовой розой посередине. Стебли были обёрнуты лиловой лентой.

На лацкане его весёлого фланелевого пиджака красовались такие же фиалки, окружавшие розовый бутон.

— Как это мило с вашей стороны! — сказала Джулия, принимая цветы.

Прикалывая букет к поясу, она несколько нервно добавила:

— Кажется, вы знакомы с мистером Сандерсом. Он идёт с нами.

У Джулии имелись все основания полагать, что джентльмены знакомы. Ведь всего неделю назад оба одновременно заявили в её присутствии, что отныне и до конца жизни исключают всякое общение друг с другом.

Разумеется, Джулия понимала, что нынешняя встреча должна быть для мистера Риджли столь же мучительной, как и для Ньюленда.

Чтобы помочь ему перенести испытание, она ухитрилась прошептать так, чтобы он расслышал:

— Ничего-нельзя-было-поделать-когда-нибудь-объясню!

Затем она рассмеялась, хотя смех прозвучал не вполне уверенно, и взяла свой зонтик.

— Ну что, отправимся? — спросила она.

— А вот и Ноубл Дилл, — объявила Флоренс. — Кажется, он тоже собирается попробовать пойти с тобой гулять, тётя Джулия.

Джулия обернулась.

И действительно, в эту самую минуту калитка щёлкнула за спиной нервно приближавшегося Ноубла Дилла.

Он старался держаться с развязной уверенностью, но попытка выглядела жалко.

Желая небрежным движением большого и указательного пальцев отбросить сигарету «Ордума», он щёлкнул ею так неудачно, что она на глазах у всех исчезла в открытом подвальном окне дома.

— Надеюсь, там внизу нет упаковочной стружки, — заметил Ньюленд Сандерс. — Немало домов сгорело дотла именно таким образом.

— Она упала на цементный пол, — сообщила Флоренс, заглянув в окно. — Скоро погаснет.

— Тогда, полагаю, и нам пора отправляться, — сказал Ньюленд, обращаясь сначала к Джулии, а затем к мистеру Диллу. — Мы с мисс Этуотер как раз собирались на прогулку.

Мистер Риджли тоже счёл нужным обратиться к новоприбывшему.

— Мы с мисс Этуотер как раз собирались на прогулку.

— Видишь ли, Ноубл, — сказала добросердечная Джулия, — я ведь предупреждала тебя, что у меня уже назначена другая встреча.

— Я просто проходил мимо, — начал мистер Дилл голосом, в котором странным образом смешались робость, любовь и роковое упрямство. — Я проходил мимо... То есть совершенно случайно оказался поблизости... И подумал: если это общая прогулка, то почему бы и мне не присоединиться? Вот какая мысль пришла мне в голову.

Он умолк, откашлялся, стараясь набраться храбрости, и попытался придать себе непринуждённо-добродушный вид.

Попытка не удалась.

— Ну, как я уже сказал, именно так мне и представилось дело... Так сказать. Полагаю, можно отправляться.

— Да, пожалуй, пора, — быстро согласился Ньюленд Сандерс.

Он занял место слева от Джулии, решительно завладел её зонтиком и раскрыл его.

Мистер Риджли всё это время не отходил от правой стороны девушки.

— Ты ошибся, мой мальчик, — произнёс он с притворной доброжелательностью. — Это вовсе не общая прогулка. Хотя, конечно, здесь есть мисс Флоренс, Ноубл. Её-то сегодня никто не приглашал гулять!

Но Флоренс восприняла эту насмешку совершенно буквально.

Она вскочила и радостно воскликнула:

— А я с удовольствием! Давайте действительно устроим общую прогулку! Я с таким же удовольствием пойду с мистером Диллом, как и с кем угодно другим. И мы все сможем держаться вместе.

С этими словами она уверенно заняла место рядом с избранным кавалером.

Тот, казалось, совершенно не представлял, каким образом можно уклониться от оказанной ему любезности.

Наступила минута нерешительности.

На лицах двух джентльменов, стоявших рядом с Джулией, отразилось злорадное удовольствие, несколько исказившее их черты.

Но тут Флоренс указала на дом через улицу и заметила:

— А вот двоюродный дедушка Милфорд и тётя Корнелия! Они уже около получаса выглядывают из окна второй комнаты для гостей.

Джулия испустила возглас.

— Убийство! — сказала она и решительно направилась к калитке. — Идёмте!

Так маленькая процессия наконец отправилась в путь.

Мистер Сандерс и бодрый вдовец шли по обе стороны красавицы, а Флоренс и мистер Дилл следовали за ними настолько близко, что, не пройдя и одного квартала, Ньюленд счёл необходимым предупредить заднюю пару: каблуки его новых ботинок не являются частью мостовой.

После этого несколько смущённый арьергард согласился отступить на несколько шагов.

Между тем румянец Джулии почти не побледнел. Более того, по дороге произошло несколько небольших происшествий, которые лишь усилили краску на её щеках.

Тётя Фанни Паттерсон, качавшаяся в кресле на веранде, поднялась и, очевидно, позвала кого-то из дома.

Вскоре к ней присоединилась её больная сестра, тётя Гарриет, вместе с сиделкой и двумя пожилыми служанками.

Все четверо образовали торжественно перешёптывавшуюся публику.

А возле дома Генри Этуотера, на следующем углу, Герберт испытал подлинное потрясение от увиденного, но счёл нужным изобразить ещё более сильное.

Он вперил в Флоренс преувеличенно изумлённый взгляд и позволил ногам медленно подогнуться.

В тот момент, когда процессия проходила ближе всего к нему, Герберт уже лежал навзничь на земле, изображая глубокий обморок.

Затем он поднялся и некоторое время следовал за гуляющими, передвигаясь нарочито нелепой походкой.

Наконец Герберт решил вернуться домой.

— Старый язычник! — сказала Флоренс, оглянувшись через плечо, когда он исчез из виду.

Мистер Дилл очнулся от задумчивости, вызванной созерцанием затылка Джулии.

— Язычник? — переспросил он жалобно.

— Я имела в виду Герберта, — объяснила Флоренс. — Моего двоюродного брата Герберта Этуотера. Он шёл за нами и передвигался какой-то голландской походкой.

— Твоего двоюродного брата Герберта Этуотера? — мечтательно повторил Ноубл. — Голландской?

— Больше не будет, — заверила Флоренс. — Ему теперь всё время нужно красоваться, потому что у него ломается голос.

Она говорила с достоинством и шла тоже с достоинством — довольно размашистым, именно таким, над каким Герберт и пытался издеваться своей необычной походкой.

В действительности Флоренс никогда ещё не была столь высокого мнения о себе.

Впервые в жизни она участвовала во взрослой прогулке, причём не семейной.

Впервые её сопровождал настоящий взрослый молодой человек.

И Флоренс чувствовала, что её новое положение обязывает выглядеть как можно блистательнее.

Она сумела придать своей походке ритмичное покачивание, заставлявшее юбку длиной до колен раскачиваться из стороны в сторону.

Эта величественная манера доставляла ей огромное удовольствие.

Время от времени она выворачивала шею, чтобы заглянуть себе за плечо и полюбоваться тем, как движется юбка сзади.

Но её величественное самообладание оказалось под угрозой, когда прогулочная компания проходила мимо собственного дома Флоренс.

Мать девочки случайно сидела возле открытого окна на втором этаже.

Сначала миссис Этуотер с живым интересом наблюдала за Джулией и двумя сопровождавшими её кавалерами. Затем её изумлённый взгляд упал на Флоренс, которая заботливо занималась третьим, оставшимся без пары джентльменом.

Флоренс милостиво поклонилась.

— Флоренс! — позвала мать из окна.

И Флоренс, и её тётушка Джулия мгновенно встревожились: отсутствие такта у миссис Джордж Этуотер давно стало семейной легендой.

— Флоренс! Куда это ты направляешься?

— Неважно! — сочла за лучшее ответить Флоренс. — Неважно!

— Тебе лучше вернуться домой! — крикнула миссис Этуотер.

По мере удаления гуляющих ей приходилось говорить всё громче.

— Неважно! — снова отозвалась Флоренс.

Миссис Этуотер высунулась из окна.

— Куда ты идёшь? Вернись и надень шляпу! Ты получишь солнечный удар!

Флоренс сумела скрыть своё негодование.

Она лишь небрежно махнула рукой, словно великодушно освобождала мать от необходимости продолжать разговор.

Компания скрылась из виду, оставив миссис Этуотер всё ещё что-то кричащей вслед.

Дочь беззаботно улыбнулась и пожала плечами.

— Переживёт! — сказала она.

— Кто? — спросил Ноубл.

— Моя мать. Это она там так шумела, — пояснила Флоренс. — Иногда я делаю то, что она говорит, а иногда не делаю. Всё зависит от моего настроения.

Она подняла глаза на своего спутника.

Выражение её лица стало нежно-почтительным.

Флоренс думала о том, насколько он uncouth.

В её представлении Ноубл Дилл был поистине редким, изысканным, необычным и загадочным человеком. Она даже полагала, что он был ещё и «устар.», хотя по-прежнему не понимала, что означает это слово.

Она часто думала о нём.

Ещё вчера Флоренс говорила Китти Сильвер, что совершенно не понимает, как тётя Джулия вообще может смотреть на кого-нибудь другого.

Выбор Ноубла Дилла в качестве блистательного героя её девичьих мечтаний был одной из загадок самой Флоренс.

Ноубл не был красив.

Более того, обычный человеческий взгляд не обнаружил бы в нём ничего особенно редкого, изысканного, необычного или даже настолько выдающегося, чтобы его можно было назвать устаревшим.

Ему было около двадцати двух лет.

Однако он не принадлежал к числу тех молодых людей этого возраста, которые, начитавшись книг и приобретя спортивные привычки, уверенно держатся в обществе, умеют одеваться, легко путешествуют и отличаются непринуждённым обаянием.

Иными словами, Ноубл не был двадцатидвухлетним светским человеком.

Правда, прежде чем поступить на службу в контору своего отца, занимавшуюся недвижимостью и страхованием, он окончил среднюю школу.

Но его географический опыт ограничивался тремя или четырьмя железнодорожными экскурсиями по льготным билетам к таким достопримечательностям, как Мамонтова пещера и Петоски в штате Мичиган.

Остальные его жизненные впечатления были не более блистательными.

Если не считать чувств, бушевавших в его душе, Ноубл был самым обыкновенным человеком во всём видимом мире Флоренс — и по складу ума, и по очертаниям тела, и по одежде, в которую это тело было заключено.

Внутренние стороны указательного и среднего пальцев его левой руки были покрыты, казалось, несмываемыми пятнами от сигарет.

Точно такие же украшения имелись на соответствующих пальцах правой руки.

Впрочем, эти признаки свидетельствовали лишь об очень ограниченной способности Ноубла одинаково пользоваться обеими руками.

К тому же его костюм и принадлежности туалета не выдерживали сравнения ни с одеждой Ньюленда Сандерса, ни с нарядом щеголеватого старинного экземпляра — мистера Риджли.

Соломенная шляпа Ноубла, вероятно, стала бы заметно свежее после обработки лимонным соком или каким-нибудь другим восстановительным средством.

Галстук был сложен таким образом, чтобы скрыть пятно, которое, однако, неуклонно стремилось показаться целиком.

Недавние попытки разгладить брюки чуть тёплым утюгом в собственной спальне лишь слабо противодействовали склонности ткани образовывать на коленях выпуклости после многократного давления человеческих суставов.

В общем, ничто, кроме выражения лица Ноубла и несколько неудачно выбранных анютиных глазок в петлице, не намекало в нём на что-либо необыкновенное.

Но даже в этом он не имел никаких личных заслуг.

Всё было делом рук Джулии.

Результат её воздействия на Ноубла Дилла можно было выразить одним словом.

Именно этим словом пользовались не только все Этуотеры, когда говорили о его состоянии, но и собственные родственники Ноубла.

Слово было исчерпывающим: «ужасно».

Единственным исключением среди Этуотеров являлась Флоренс.

Она была бесконечно далека от того, чтобы думать или говорить о Ноубле Дилле подобным образом.

Правда, до тех пор, пока она не заглянула в университетский словарь Уэбстера и не обнаружила слово uncouth, ей не удавалось найти подходящего определения для своего героя.

Теперь же, шагая рядом с ним, Флоренс испытывала поистине волнующие ощущения.

Не следует забывать, что это был её первый, совершенно неожиданный выход в свет.

Переживание напоминало превращение незаметного небесного камешка в великолепный метеор.

Ей страстно хотелось сказать или сделать что-нибудь грандиозное — нечто необычное, захватывающее, соответствующее новому положению в обществе.

Именно это желание, а вовсе не укоренившаяся привычка лгать, побудило её развить свои замечания о независимости от родителей.

— О, я почти никогда не делаю того, чего не хочу, — сказала она. — Можно сказать, что я управляю всем домом по собственному усмотрению. Если говорить правду, то, пожалуй, я управляю даже всей семьёй Этуотеров!

Заявление было настолько примечательным, что сумело отвлечь внимание Ноубла от затылка Джулии.

— Ты? — спросил он. — Странно, однако.

— О, не знаю! — рассмеялась Флоренс.

По мере того как её восторг возрастал, окружающая действительность всё больше начинала соответствовать её желаниям.

Ей казалось, что она окружена атмосферой одновременно царственного величия и увлекательных приключений.

Остатки человеческой осторожности окончательно успокаивались мыслью о том, что внимание тёти Джулии целиком поглощено двумя джентльменами, которые не разговаривали друг с другом.

— О, не знаю, — повторила Флоренс. — Думаю, вся семья уже привыкла. При моём характере им просто приходится привыкать. Когда им что-нибудь не нравится, я некоторое время ничего не говорю, а потом просто...

Она умолкла, ожидая, пока воображение подскажет достойное продолжение только что нарисованной драмы.

— Ну, тогда они быстро понимают, что лучше им пошевеливаться, — мрачно закончила она. — И больше не слишком мне мешают!

— Полагаю, что так, — сказал Ноубл.

Его рассеянность и доверчивость по-прежнему идеально дополняли друг друга.

— Ещё бы! — сочла нужным подтвердить восторженная Флоренс.

Затем ей пришла в голову вдохновенная мысль, способная оживить мечтательный интерес спутника к разговору.

— Дедушка — вот кем я управляю больше всех. Ему лет пятьдесят или шестьдесят, поэтому у него уже не слишком много ума. То есть я хочу сказать, не слишком много ума осталось, понимаешь? Поэтому мне время от времени приходится брать всё в свои руки.

Она немного понизила голос: до её внутреннего слуха всё-таки донёсся слабый шёпот благоразумия.

— Тётя Джулия совершенно ничего не может с ним поделать. Думаю, именно поэтому она так сильно от меня зависит. Или, во всяком случае, по какой-нибудь похожей причине. Например, мне пришлось помогать уговаривать дедушку разрешить ей заказывать вещи из Нью-Йорка. Тётя Джулия всё заказывает в Нью-Йорке.

Интерес мистера Дилла заметно оживился.

— Вещи? — переспросил он. — Её вещи?

— Да. Всё, что она носит.

— Ах да.

— Так вот, что я хотела тебе рассказать, — продолжала Флоренс. — Дедушка, понимаешь, почти всех ненавидит. Во всяком случае, он говорит, что хотел бы хоть иногда иметь немного покоя и тишины в собственном доме вместо всей этой суеты и суматохи. А доктор сказал, что вся беда тёти Джулии в том, что она ест слишком много конфет, а ей всё время присылают новые. И ещё с дедушкой есть одна неприятность: ему становится дурно от запаха фиалок. Это у него с самого детства, и он ничего не может поделать. А ещё он терпеть не может животных, а ей всё время присылают эрдельтерьеров и персидских котят. Потом ещё был тот аллигатор из Флориды, который ужасно перепугал Китти Сильвер. Вот видишь, дедушка ненавидит всю эту бесконечную историю!

Мистер Дилл кивнул с убеждённостью.

— Он совершенно прав. Совершенно!

— Ну, кое в чём прав, — согласилась Флоренс.

Затем она доверительно добавила:

— Беда только в том, что он, кажется, считает тебя ничуть не лучше остальных.

— Что?

— Ну! — воскликнула Флоренс.

Она возвела глаза и руки к небу, показывая, сколько ещё можно было бы рассказать о речах мистера Этуотера на его любимую тему — Ноубла Дилла.

— Это просто ужасно! — добавила она.

Ноубл тяжело вздохнул.

Однако в его сознании забрезжила мысль, и лицо несколько просветлело.

— Ты хочешь сказать... — начал он. — Ты хочешь сказать, что это ужасно для твоей тёти Джулии? Что несправедливое отношение твоего дедушки ко мне заставляет её ужасно страдать?

— Нет, — ответила Флоренс. — Нет, я имею в виду то, как он ругает всех подряд. Но тётя Джулия уже вроде привыкла. И вообще тебе не нужно беспокоиться о нём, пока я на твоей стороне. Он почти ничего тебе не сделает, если я скажу ему, чтобы не делал. Почти совсем ничего.

Видя, что её спутник всё ещё не успокоился, Флоренс с почти нежной добротой прибавила:

— Он и слова не скажет. Я ему запрещу.

Ноубл был ошеломлён.

Впрочем, это не представляло собой ничего нового: он находился в почти непрерывном состоянии ошеломления на протяжении последних семи месяцев.

Всё началось в тот вечер, когда, танцуя с Джулией, которую знал всю жизнь, он, по выражению собственной матери, «впервые заметил, как она выглядит».

Где-то он когда-то читал об удивительном влиянии, которым обладают некоторые ангелоподобные дети.

Кроме того, он знал, на что способны любимые внучки, когда дело касается дедушек.

Всё это произвело на него весьма низменное действие.

Он немедленно решил лестью укрепить и сохранить благосклонность Флоренс.

— Я всегда считал, что ты знаешь гораздо больше большинства девочек твоего возраста, — начал он.

Для Флоренс это был великий день.

Время от времени она поглядывала через плечо на раскачивающуюся юбку и увеличивала размах её движения.

Вероятно, ради этого ей приходилось затрачивать на каждый пройденный ярд больше физических усилий, чем любой другой даме, когда-либо участвовавшей в пешей прогулке.

Между тем она продолжала болтать, находя время и для того, чтобы выслушивать приятные слова своего спутника.

Хотя большинство его комплиментов были, по существу, довольно неопределёнными, он завоевал её расположение гораздо сильнее, чем сам подозревал.

Отныне Флоренс действительно собиралась стать его защитницей — иногда даже с большей энергией, чем ему было необходимо.

Когда прогулка, которую Джулия сделала настолько короткой, насколько позволяли приличия, закончилась, Ноубл и Флоренс остались вдвоём возле калитки.

— Ну что ж, — сказала Флоренс, — я очень приятно провела время. Надеюсь, и вы тоже получили удовольствие, мистер Дилл.

Затем её взгляд поднялся к нависшей над ними ветке тенистого дерева.

— Хотите посмотреть, как я подтягиваюсь? — спросила она, становясь под ветку. — Спорю, что смогу сделать на ней переворот! Хотите посмотреть?

— Ещё как! — восторженно ответил льстец.

Флоренс задумалась.

Она вспомнила, что теперь является дамой, которая совершает прогулки в обществе взрослых джентльменов.

— Я могу, но не стану, — сказала она. — Раньше я постоянно проделывала такие вещи. Делала всё, что мне хотелось. Я могла подтянуться четыре раза, а Герберт только три. Раньше я гораздо лучше Герберта справлялась со всякими такими упражнениями.

— Неужели?

Она рассмеялась, словно с задумчивой нежностью вспоминая давно минувшие времена.

— Наверное, в те дни я была довольно странной девочкой, — сказала она. — Ну что ж... Полагаю, нам пора попрощаться, так сказать, мистер Дилл.

— Боюсь, что да.

— Ну...

Она стояла и выжидательно смотрела на него.

Но он больше ничего не сказал.

— Ну что ж, до свидания, мистер Дилл, — повторила Флоренс.

Она повернулась и с достоинством направилась прочь.

Но уже через мгновение совершенно забыла о своей юбке и пустилась бежать.

Глава IV

Миссис Дилл, мать Ноубла, поговаривала о создании Клуба матерей молодых людей, направленного против Джулии Этуотер. Тем не менее она признавала, что в одном-единственном отношении нынешняя влюблённость пошла её сыну на пользу.

Два предыдущих приступа любви — один в двенадцать лет, другой в восемнадцать — были несравненно легче. Перемены, замеченные тогда домашними, ограничивались некоторой раздражительностью и нарушением привычного распорядка: Ноубл постоянно опаздывал домой, поскольку слишком старательно являлся вовремя в другие места.

Однако, когда началась история с Джулией Этуотер, первым же её симптомом стало необычное стремление Ноубла сделаться красивым. Мать даже обнаружила, что иногда он пытается пемзой оттереть с пальцев пятна, оставленные сигаретами.

Самое любопытное в его состоянии заключалось в том, что долгое время Ноубл был совершенно уверен: домашние ни о чём не догадываются.

Это лучше всяких слов свидетельствовало о кротости и тактичности семейства Дилл. Ведь если не считать плохих кухарок и опасных сумасшедших, никто не нарушает домашний покой сильнее молодых влюблённых.

Однако миру приходится приспосабливаться к ним, поскольку сами они совершенно неспособны приспособиться к миру.

Для молодого влюблённого не существует обычной жизни человечества. Вся вселенная для него сосредоточена в нежном румянце под одной-единственной шляпкой.

Всё живое в природе, кроме того, что находится под этой шляпкой, он воспринимает с раздражением. Всё остальное представляется ему ничтожным и назойливым.

Но стоит чему-нибудь хотя бы отдалённо коснуться предмета его поклонения — и он мгновенно оживает!

Так, однажды за воскресным семейным обедом Ноубл сидел в состоянии почти наркотического оцепенения, пока вокруг него шёл обычный разговор. Но когда отец, рассуждая о политике, случайно упомянул окружного казначея Чарльза Дж. Паттерсона, внимание Ноубла внезапно пробудилось с такой силой, что всем стало неловко.

Миссис Дилл едва заметным движением головы дала понять, что никаких замечаний делать не следует.

А мистер Дилл в этот момент оказался участником весьма убедительного примера телепатического общения. Ибо трудно поверить, будто именно почти незаметный жест жены напомнил ему, что Чарльз Дж. Паттерсон приходится Джулии Этуотер дядей.

Имя Чарльза Дж. Паттерсона, неожиданно достигшее слуха Ноубла, было подобно внезапно открывшейся святыне у дороги, по которой бредёт паломник-фанатик.

Между тем мистер Паттерсон был всего лишь одним из многочисленных дядюшек Джулии по браку, причём самым обыкновенным. Он не оказывал и не собирался оказывать никакого влияния на её судьбу.

Но Ноублу он казался существом, наделённым невыразимыми привилегиями и почти роковым значением.

Теми же свойствами обладали в его глазах деревянные столбики калитки перед домом Джулии — и вообще всё, что имело к ней хоть какое-нибудь отношение.

Что же касается её отца, этого грозного старика, то чувства Ноубла были особенно сложными.

Здесь присутствовала не только совершенно беспричинная нежность, которую влюблённый неизбежно испытывает к ближайшим родственникам любимой девушки, но и своеобраз-

ный ужас перед безответственной и страшной властью, которой обладают родители священного для него существа.

Обещание Флоренс защищать его не вполне успокоило молодого человека.

В общем, Ноубл любил мистера Этуотера. Но в своих мечтах, когда ему удавалось спасти старика от утопления или гибели в огне, он предпочитал представлять, что полученные тем повреждения в конце концов всё-таки оказываются смертельными.

К остальным Этуотерам Ноубл относился с меньшей тревогой и большей нежностью.

Всякий раз, встречая кого-нибудь из них, он становился почтительным и начинал слегка задыхаться.

Поэтому однажды солнечным днём, возвращаясь после обеда домой из конторы, где провёл утро за работой, он остановился возле дома юного Герберта и робко попытался завязать разговор с этим осенённым особой благодатью племянником Джулии.

Случилось так, что именно в это утро Герберт выбрал себе жизненное призвание.

Он решил стать учёным-специалистом, энтомологом.

Теперь он стоял на коленях перед домом и изучал нравы и обычаи насекомых, обитавших на лужайке. Для этой цели он вооружился большой увеличительной линзой, или «читальным стеклом».

Накануне Герберт обнаружил этот предмет на чердаке, а примерно в то же время прочёл в воскресном газетном приложении статью о насекомых. Совпадение и определило его внезапный выбор профессии.

— Кто-нибудь... э-э... из вашей семьи ничего не потерял, Герберт? — мягко спросил Ноубл через ограду.

Герберт не поднял головы и не разгладил научную складку на лбу.

— Нет, — ответил он. — Они вечно что-нибудь теряют, особенно тётя Джулия, когда приходит сюда или куда-нибудь ещё. Но я не собираюсь тратить время на поиски каких-нибудь старых серёжек и тому подобного. У меня есть дела поважнее.

— Ваша тётя Джулия потеряла серёжку, Герберт?

— Она? Ну, она почти всегда что-нибудь теряет. Но меня это совершенно не беспокоит. У меня есть занятия получше.

Герберт говорил, не отрываясь от своего исследования и не ослабляя напряжённого выражения лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.